

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-176-224

УДК 93/94

ПОРЕФОРМЕННАЯ ДУХОВНАЯ ШКОЛА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: БУРСАК МЕЖДУ БЛАГОЧЕСТИЕМ И БУНТОМ

Аннотация. История духовного образования в Российской империи в последние десятилетия переживает расцвет, связанный как с открытием архивов, так и с возможностью переосмыслить старые идеологические клише. Литературной аллюзией номера выбраны «Очерки бурсы» – бестселлер середины XIX в., шокировавший публику описаниями нравов духовной школы, в которой царили зубрежка, бедность, голод, побои и травля учеников жестокими учителями и старшими товарищами. В данной дискуссии участникам были предложены вопросы, которые позволяли проверить на прочность этот парадигматический текст, оказавший влияние не только на читателей своего времени, но и на несколько поколений исследователей. Предлагая свое прочтение повести Н.Г. Помяловского, авторы сформулировали видение пореформенной духовной школы, сделав акцент не на содержании череды образовательных реформ и учебных программ, а на его антропологическом измерении: повседневности, социальных практиках, межличностных взаимоотношениях, введя в эту историю новых акторов – преподавателей, родителей, авторов романов и повестей из жизни семинаристов. Неизменным остался главный герой – «бунтующий семинарист», однако причины его участия в протестном движении значительно усложнены и больше не сводятся к особой чувствительности бурсака к революционной пропаганде, заменяющей былое благочестие истовой верой в социальную революцию.

Ключевые слова: духовные учебные заведения, духовное училище, духовная семинария, Н.Г. Помяловский, «Очерки бурсы», реформы духовных школ.

Цитирование: Шадрина А.В., Всеволодов А.В., Зубков К.Ю., Хохлов А.А. Поререформенная духовная школа Российской империи: бурсак между благочестием и бунтом // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 176–224. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-176-224 / Shadrina A.V., Vsevolodov A.V., Zubkov K.Y., Khokhlov A.A. Post-Reform Theological School of the Russian Empire: Bursak between Piety and Revolt, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 176–224. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-176-224.

© Шадрина А.В., Всеволодов А.В., Зубков К.Ю., Хохлов А.А., 2024

Вопросы дискуссии:

1. В какой мере реформы духовного образования были вписаны в общий контекст своего времени? Влияли ли на их содержание процессы, происходившие в образовании светском? Какое место в них занимали педагогические дискуссии?
2. Русское общество принято называть литературоцентричным. Насколько образы, которые сформировались вокруг бурсы и бурсаков в русской литературе, влияли на реформаторов — чиновников Синода, епископов, преподавателей?
3. Хотя принято говорить о реформе духовного образования, кажется, что в центре внимания реформаторов было не столько содержание учебных программ, сколько вопросы воспитания и нравственности. Какими были настоящие проблемы духовной школы и в какой степени были эффективны предложенные реформаторами меры?
4. Еще один устойчивый образ — «бунтующая семинария». Насколько частыми были «бунты воспитанников», были ли они действительно составной частью революционного движения или семинаристы боролись за свои права?
5. А что с учителями? Почему историография чаще концентрируется на учениках и выпускниках, а не их педагогах?

Участники дискуссии:

Шадрина Алла Валерьевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук.

Всеволодов Антон Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет.

Зубков Кирилл Юрьевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь.

Хохлов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета.

POST-REFORM THEOLOGICAL SCHOOL OF THE RUSSIAN EMPIRE: BURSAK BETWEEN PIETY AND REVOLT

Abstract. The history of theological education in the Russian Empire has flourished in recent decades due to both the opening of archives and the opportunity to rethink old ideological clichés. The literary allusion of the issue is “Essays on the Bursa” – a mid-19th century bestseller that shocked the public with its descriptions of the mores of a clerical theological where cramming, poverty, hunger, beatings and bullying of students by cruel teachers and older classmates reigned. This discussion posed questions that allowed participants to test this paradigmatic text, which influenced not only readers of its time, but several generations of scholars. By offering their own reading of N.G. Pomialovsky’s story, the authors formulated a vision of the post-reform theological school, focusing not on the content of the succession of educational reforms and curricula, but on its anthropological dimension: everyday life, social practices and interpersonal relationships, introducing new actors into the story – teachers, parents, authors of novels and novellas about the life of seminarians. The main character, the “rebellious seminarian”, remains unchanged, but the reasons for his participation in the protest movement have become much more complicated. They can no longer be reduced to the seminarian’s particular sensitivity to revolutionary propaganda, which replaces his former piety with a fervent belief in the social revolution.

Keywords: theological educational institutions, theological school, theological seminary, N.G. Pomyalovsky, “Essays on the Bursa”, reforms of theological schools.

Discussion questions:

1. To what extent were the reforms of theological education embedded in the general context of their time? Were their contents influenced by processes in secular education? What place did pedagogical discussions occupy in them?
2. Russian society is usually described as literature-centred. How were the reformers – Synod officials, bishops, teachers – influenced by the images of the bursa and bursaks in Russian literature?
3. Although it is common to speak of reforming theological education, it seems that the reformers focused less on the content of the curricula than on educational and moral issues. What were the real problems of theological education and to what extent were the measures proposed by the reformers effective?
4. Another persistent image is that of a “rebellious seminary”. How frequent were the “student revolts”, were they really part of the revolutionary movement or were the seminarians fighting for their rights?
5. What about the teachers? Why does historiography focus more on students and graduates than on their teachers?

Discussants:

Shadrina Alla V., Doctor of Science (History), Senior Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences.

Vsevolodov Anton V., Candidate of Science (History), Associated professor, department of history and philosophy, Cherepovets state university.

Zubkov Kirill Y., Candidate of Science (Philology), independent researcher.

Khokhlov Alexander A., Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography of Kazan (Volga Region) Federal University.

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-180-191

УДК 94(47)

ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: РЕФОРМЫ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, СМИРЕНИЕ И БУНТЫ, УЧИТЕЛЯ¹

Шадрин Алла Валерьевна

Южный научный центр Российской академии наук,

Ростов-на-Дону, Россия

bergson@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с реформами духовных школ Российской империи и их внутренней жизнью. Изучение комплекса архивных источников центрального и регионального архивов позволило сформулировать выводы о том, что реформы, проводившиеся в 1808 и 1867 гг., были обусловлены необходимостью институционализации духовного образования, выработкой системы управления духовными школами, формированием программ для обучения и принципов отбора педагогов. После реформы 1867 г. была сформирована трехступенчатая система духовного образования, готовившая кадры не только для Православной российской церкви, но и для гражданского ведомства, куда выпускники при желании имели право переходить после завершения обучения. На протяжении всей истории духовных школ не теряла актуальности проблема воспитания. Основным принципом формирования нравственности был строгий надзор за обучающимися, в том числе и обязательное участие в богослужениях. Однако это не исключало и эстетического образования, в частности обучения музыке. Проблема семинарских бунтов объяснялась интеллектуальными и политическими направлениями жизни общества конца XIX–начала XX в. – вовлеченностью воспитанников духовных школ в изучение европейской литературы, не лишённой политической направленности, и причастность к общесеминарскому союзу, боровшемуся за секуляризацию семинарского образования, корректное отношение преподавателей к воспитанникам и улучшение условий жизни учащихся. Преподаватели духовных школ были преимущественно заняты повседневной учебной работой, хотя среди них были и выдающиеся личности, чьи исследования были оценены не только в рамках Православной российской церкви.

Ключевые слова: духовные школы Российской империи, реформы духовного образования, система духовных школ, семинарские бунты, педагогическая корпорация духовных семинарий и ее представители.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

THEOLOGICAL SCHOOLS OF THE RUSSIAN EMPIRE: REFORMS, EVERYDAY LIFE, HUMILITY AND REVOLTING, TEACHERS

Shadrina Alla V.

Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia
bergson@yandex.ru

Abstract. The article examines controversial issues related to the reforms of theological schools of the Russian Empire and their internal life. The study of a complex of archival sources from the central and regional archives made it possible to formulate conclusions that the reforms carried out in 1808 and 1867. were determined by the need to institutionalize theological education, develop a management system for theological schools, formulate training programs and principles for selecting teachers. After the reform of 1867, a three-stage system of theological education was formed, training personnel not only for the Russian Orthodox Church, but also for the civil department, where graduates, if desired, had the right to transfer after completing their studies. Throughout the history of theological schools, the problem of education has always remained relevant. Taking into account the strict supervision of students, the main principle of the formation of morality was mandatory participation in religious services, which, however, did not exclude aesthetic education associated with teaching music. The problem of the seminary riots was explained by the intellectual and political trends in the life of society at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries – the involvement of students of theological schools in the study of European literature, which is not without a political orientation and involvement in the general seminary union, which fought for the secularization of seminary education, the correct attitude of teachers towards students and the improvement of the living conditions of students. Teachers of theological schools were predominantly occupied with everyday educational work, although among them there were outstanding personalities whose research was appreciated not only within the framework of the Russian Orthodox Church.

Keywords: theological schools of the Russian Empire, reforms of religious education; system of theological schools, seminary riots, Pedagogical Corporation of Theological Seminaries and its representatives.

Цитирование: Шадрина А.В. Духовные школы Российской империи: реформы, повседневность, смирение и бунты, учителя // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 180–191. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-180-191 / Shadrina A.V. Theological Schools of the Russian Empire: Reforms, Everyday Life, Humility and Revolting, Teachers, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 180–191. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-180-191.

© Шадрина А.В., 2024

Проблема духовных школ Российской империи в ее многообразии не теряла своей актуальности с XVIII в. До начала процесса церковного администрирования императора Петра I, поставившего в числе прочего вопрос о необходимости в России духовного образования, обучение приходского духовенства не выходило за рамки домашнего [Знаменский, 2001, с. 5]. С 1700 г. по инициативе малороссийского учебного монашества, которому отдавалось предпочтение в замещении великорусских архиерейских кафедр, в отдельных епархиях начали открываться школы [Знаменский, 2001, с. 23–55]. Поддержка правительством этого начинания выразилась в запрете ставить на церковные должности детей духовенства, не прошедших в них обучение [Доброклонский, 1999, с. 582]. В изданном в 1721 г. в качестве закона Российской империи «Духовном регламенте» обязательность духовного образования для православного духовенства была закреплена [Регламент..., 1830, с. 323–324, 332–335, 335–338], однако этот законодательный акт не давал представления об организации и особенностях обучения будущих священнослужителей. Впрочем, малочисленность духовных школ, нежелание родителей обучать детей «латинским наукам» [Доброклонский, 1999, с. 583], а также непоследовательность проведения политики в отношении замещения священно- и церковнослужительских мест стали причиной игнорирования этой инициативы. Только в середине XVIII в. Св. Синод начал настаивать на открытии в каждой епархии Православной российской церкви духовных школ. Однако их работа не отличалась системностью.

Первая реформа духовного образования, которому придавалось особенное значение как среди иерархов, так и российских чиновников, была осуществлена в 1808 г. Процесс изменения шел по двум направлениям: с 1802 г. реформировалась система светского образования, с 1807 г. — духовного. 26 июня 1808 г. Комитет духовных училищ представил на утверждение императора Александра I документ «О усовершенствовании духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства» [ПСЗРИ, Т. XXX, с. 368–395], который и стал после утверждения императором законодательным актом, регламентирующим изменения в системе духовного образования.

Проведенная реформа, с одной стороны, стала причиной открытия ряда епархиальных духовных училищ и семинарий. С другой стороны, ее несовершенство обусловило разного рода нарушения как со стороны учащихся, так и учащихся, ставшие в середине XIX в. поводом для публикации книги Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы», обнажившей нелицеприятные стороны внутренней жизни духовных школ. Позиция автора инициировала не только дискуссию в обществе XIX в., но и позволила сформулировать ряд вопросов, в настоящее время осмысляющихся в антропологическом измерении и позволяющих поставить ряд проблем, представляющих собой повод для настоящей дискуссии и актуальных для современной науки.

Историография проблемы духовного образования XIX в. обширна и может быть разделена на два периода: дореволюционный и современный. В советский период история духовных учебных заведений не выступала в качестве предмета исследования по идеологическим причинам.

Дореволюционная историография представлена в основном учебными пособиями по истории Православной российской церкви церковных историков XIX в., в которых анализ духовного образования является их неотъемлемой составляющей [Знаменский, 1888]. Поскольку в настоящей статье анализируется повседневность в том числе духовных школ Области Войска Донского, важной составляющей историографии являются исследования воронежских и донских исследователей, концентрирующих внимание на фактологии [Никольский, 2011; Попов, 1896; Кириллов, 1905; Снесарев, 1877; Кириллов, 1893; Кириллов, 1896].

Современная историография представлена значительным числом работ как иностранных [Freeze, 1983; Lindenmeyr, 1996], так и российских исследователей, посвященных отдельным сторонам жизни духовных школ второй половины XIX–начала XX в. Особенный интерес в исследовательской среде вызывали семинарские бунты [Адамов, 2017; Ирушкин, 2015; Леонтьева, 1997; Павленко, 2008; Попова О.Д., Попова А.Д., 2017].

Одним из основополагающих тезисов поставленной проблемы представляется вопрос о причинах реформ духовного образования Российской империи XIX в. Если реформа 1808 г. была обусловлена необходимостью регламентации учреждения духовных школ, их ведомственного подчинения, обеспечением и содержанием учебного курса, то реформа 1867 г., завершившая процесс формирования системы дореволюционных духовных школ, проводилась в рамках либеральных преобразований эпохи императора Александра II. 22 февраля 1860 г. при Св. Синоде был образован специальный комитет под председательством архиепископа Херсонского Димитрия (Муретова) [Римский, 1998, с. 125]. Примечательно, что задачей, стоявшей перед комитетом, было избавление духовного образования «от излишеств, навязанных... светской властью» [Римский, 1998, с. 125], однако события политической жизни того времени, влияние обер-прокурора Св. Синода Д.А. Толстого и обозначенные имперской властью задачи привлечения приходского духовенства к активной преподавательской деятельности в народных и приходских школах не только не позволили избавить духовную школу от упомянутых «излишеств», но и значительно повысили требования к выпускникам семинарий, в результате приравняв семинарское образование к гимназическому [Римский, 1998, с. 126–128, 130].

В отличие от закона 1808 г., реформа 1867 г. дала значительно больше прав епархиальным архиереям и правлениям семинарий [Устав православных духовных семинарий, с. 498]. Преподаватели семинарии, согласно «Уставу», определялись на должность епархиальным архиереем по представлению правления [Устав православных духовных семинарий, с. 501–502]. Однако деятельность преподавателей жестко контролировалась: каждый наставник должен был преподавать свой предмет по утвержденной Св. Синодом программе [Устав православных духовных семинарий, с. 502]. По завершении года каждый преподаватель предоставлял правлению семинарии подробный отчет о своей работе.

Важными новациями, привнесенными реформой 1867 г., стало приобретение духовными училищами и семинариями внесловного характера [Устав православных духовных семинарий, с. 498] и разрешение выпускникам продолжать обучение и ведение профессиональной деятельности в учреждениях гражданского ведомства [Устав православных духовных семинарий, с. 499]. Как видно, реформа 1867 г. не только позволила выстроить систему внутреннего и внешнего подчинения, но и регламентировала все стороны жизни духовных школ.

Реформа 1867 г., несмотря на недостатки, которые ей были присущи, учитывая изменяющиеся социальные и политические условия, принесла положительные плоды — благодаря ей была создана действовавшая до 1920-х гг. система духовных школ (духовные училища — семинарии — академии), воспитавшая не только выдающихся иерархов и священнослужителей Православной российской церкви, но и плеяду видных представителей гражданского ведомства: преподавателей, в том числе университетских, юристов, инженеров, врачей и др.

Возвращаясь к книге Н.Г. Помяловского, уместно заметить, что этот труд не только стал одной из предпосылок дальнейшего реформирования духовного образования, но и, вероятно, побудил чиновников к более строгой регламентации всех сторон внутренней жизни духовных школ с целью предотвращения прецедентов, описанных в книге. Собственно, воздействие этой работы уместно сравнить с изданием в 1858 г. работы священника И.С. Белюстина «Описание сельского духовенства» [Белюстин, 1958], которая стала не только причиной острых дискуссий в российском обществе второй половины XIX в., но и предпосылкой к принятию ряда законодательных актов в рамках Великих реформ, направленных на улучшение материального положения приходского духовенства.

Вопросы воспитания и нравственности учащихся духовных школ были актуальны всегда. Целью учебного процесса было не только получение знаний, которые уместно назвать профессиональными, но и формирование у воспитанников системы христианских ценностей и поведенческих норм с целью создания образа благочестивого и грамотного пастыря, примера для подражания прихожан. Поскольку, несмотря на всесловный характер духовных семинарий второй половины XIX в., большая часть семинаристов продолжала оставаться детьми священно- и церковнослужителей, воспитательный процесс строился вокруг обязательного участия в богослужениях и таинствах, что обязывало не нарушать нормы христианской жизни. Безусловно, в духовных школах отсутствовал даже намек на демократию — воспитанники подчинялись строгому режиму и постоянно находились под надзором воспитателей, наказывавших за любую провинность.

Режимный характер духовных школ, впрочем, отнюдь не исключал эстетического воспитания. Так, в Донской духовной семинарии в 1889 г. для воспитанников было организовано обучение желающих оркестровой музыке (обучение хоровому пению было обязательным). Поскольку, по мнению правления семинарии, эстетическое воспитание «отвлекает от праздности и грубых удовольствий» [ГАРО, ф. 352, оп. 1,

д. 1540, л. 1], в 1889 г. на средства Иоанно-Богословского братства при Донской духовной семинарии были закуплены струнные и духовые музыкальные инструменты, ноты, приглашен преподаватель. В его задачи входило не только обучить семинаристов играть на инструментах, но и создать оркестр. Для этого предмета было определено 2 урока в неделю в послеобеденное время [ГАРО, ф. 352, оп. 1, д. 1222, л. 3]. В 1891–1892 гг. оркестровой музыкой занималось 45 воспитанников, из которых был составлен оркестр.

Одной из актуальных проблем повседневности духовных школ начала XX в., вызывающей в последнее двадцатилетие наибольший интерес, являются «бунтующие семинарии». В данном случае термин «бунт» представляет собой утрированную публицистическую оценку, и его уместнее было бы заменить словом «волнения», поскольку подобные действия не квалифицировались имперским законодательством как уголовно наказуемое деяние.

В факте семинарских волнений очевиден диссонанс между образом благочестивого воспитанника, который должен был стать священником, и семинаристом, выступающим против системы духовного образования. Причины этих протестов вполне очевидны. Анализ дел «о политических заговорах и революционных и социалистических кружках», проведенный Департаментом государственной полиции, показал, что эти настроения зарождались в кружках «самообразования или саморазвития», распространенных и в среде семинаристов [ГАРО, ф. 352, оп. 1, д. 906, л. 1]. На примере Донской духовной семинарии видно, что на собранные среди семинаристов деньги формировалась библиотека, в состав которой входили: журнал «Мир Божий», «История цивилизации Европы» Гизо, «История умственного развития Европы» Дрепера, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «История цивилизации Англии» Бокля, «Очерки по истории русской культуры» Милюкова [РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 8, л. 4].

Первая протестная акция в донской духовной школе состоялась в декабре 1901 г. и ограничилась петицией, поданной воспитанниками ректору протоиерею Митрофану Симашкевичу [РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 8, л. 4об.]. При ее подаче семинаристами было оговорено, что целью выступления является «не учинение скандала и бесчиния, а только законный и необходимый протест против условий ученической жизни, которые необходимо устранить, во что бы то ни стало» [Ядрицов, 1994, с. 21]. Требования, составленные семинаристами [РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 8, л. 153об.], не были радикальными и призывали лишь к корректному обращению преподавателей с воспитанниками и улучшению питания.

Волнения, прошедшие в Донской духовной семинарии в конце ноября–начале декабря 1902 г., назвать бунтом можно лишь условно [РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 40, л. 10–12об.]. Закончившиеся после 12 декабря 1902 г. выступления семинаристов, не приведшие к прекращению учебного процесса, продемонстрировали, что протестное движение, в этот раз подавленное в самом начале, не поддерживалось большинством воспитанников семинарии.

Более радикальный характер носили беспорядки в 1905 г. Их предпосылками были причастность учащихся к общесеминарскому союзу, координирующему выступления, и общая ситуация в империи, связанная с событиями первой русской революции. Впервые за 37 лет своего существования Донская духовная семинария прервала занятия почти на 3 месяца. Несмотря на то, что требования семинаристов, изложенные в петиции, касались вопросов, относящихся исключительно к ведению Св. Синода, прошедшие беспорядки заставили обратиться к решению внутренних вопросов, в результате чего были упразднены должности двух надзирателей и учреждена дополнительная должность помощника инспектора [ГАРО, ф. 352, оп. 1, д. 1330, л. 5].

Как видно, бунтарский опыт воспитанников Донской духовной семинарии значительно отличался от опыта других духовных школ Российской империи, что в первую очередь было обусловлено регионом, в котором были установлены порядки военизированной организации Войска Донского. Анализ семинарских бунтов Донской духовной семинарии позволяет говорить о том, что семинаристы однозначно не были составной частью революционного движения. Даже присоединившись в 1905 г. к общесеминарскому союзу, они боролись за свои права. Позднее, в процессе политических трансформаций начала XX в., незначительная часть бывших воспитанников духовных школ присоединилась к революционному движению и даже в некоторых случаях сыграла заметную роль, но это явление было лишь исключением из правил.

Интереснейшей темой в рамках проблемы духовного образования Российской империи, требующей отдельной дискуссии, являются педагоги духовных школ. В настоящей работе можно лишь констатировать, что представители педагогических корпораций таких учебных заведений выступали в качестве объекта исследования лишь в случаях, когда их деятельность была высоко оценена, например, дореволюционными исследователями. Педагоги региональных семинарий лишь в весьма незначительной степени являлись авторами исследований, не потерявших актуальности до настоящего времени. Однако обращение к Донской духовной семинарии позволило вновь открыть имена, широко известные в дореволюционный период. Так, преподаватель основного и догматического богословия, кандидат богословия Л.Г. Епифанович был автором известного в дореволюционный период учебника по обличительному богословию [Кириллов, 1893, с. 21]. Преподаватель психологии, педагогики и обзора философских учений А.К. Гиляревский за издание «Записок по психологии» в 1882 г. был награжден «половинной премией в 500 руб.» митрополита Московского Макария (Булгакова) [ГАРО, ф. 352, оп. 1, д. 355, л. 25об.–28; оп. 5, д. 267, л. 4об.–7]. Преподаватель физико-математических наук Донской духовной семинарии Н.И. Орлов, проявлявший интерес к истории Православной российской церкви, в 1914–1915 гг. опубликовал ряд статей, посвященных в том числе истории донских монастырей [РГИА, ф. 802, оп. 15, д. 1126, л. 11]. Не оставались преподаватели Донской духовной семинарии в стороне от исследований в области литературы. Преподаватель словесности и истории русской литературы Донской духовной

семинарии, кандидат богословия Иван Глебов был автором издания «Учебный курс истории новейшей русской литературы (от Белинского до Чехова включительно)», выдержавшего 4 издания [РГИА, ф. 802, оп. 15, д. 1126, л. 11]. Безусловно значительный вклад в историю Донского края внесли А.А. Кириллов, преподаватель греческого языка, нередко выполнявший функции инспектора семинарии и даже ее ректора и являвшийся автором значительного числа работ по церковной истории Области Войска Донского, а также Николай Васильевич Лысогорский, магистр богословия, преподаватель латинского языка Донской духовной семинарии, который после издания книг «Митрополит Платон Левшин как противораскольнический деятель» и «Единоверие на Дону в XVIII и XIX вв. (по 1883 г.)» покинул Донскую духовную семинарию и стал приват-доцентом Императорского Харьковского университета по кафедре истории церкви, а в 1912 г. — доцентом Московской духовной академии по кафедре истории и обличения русского раскола.

Обращение к дискуссионным проблемам истории духовного образования Российской империи позволяет сделать следующие выводы. Реформы духовных школ 1808 и 1867 гг. были вынужденными мерами. Первая из них была формой институционализации духовного образования, в результате которой был открыт ряд региональных духовных училищ и семинарий. Непродуманность реформы стала причиной ряда нарушений, ставших поводом для написания книги Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы». Реформа 1867 г. позволила создать систему духовных учебных заведений, которая успешно функционировала до 1920-х гг. и принесла видимые плоды не только для Православной российской церкви, но и для ряда гражданских ведомств, в которые переходили выпускники духовных семинарий. Воспитательному процессу в духовных школах уделялось значительное внимание, но его центром было обучение христианской нравственности путем вовлеченности в богослужебную жизнь. Однако это направление не исключало и эстетического обучения семинаристов. Бунтарский опыт духовных семинарий был разнообразен и имел региональную специфику. Его общими чертами были вовлеченность в изучение европейской литературы, не лишённой политической направленности, и причастность к общесеминарскому союзу, боровшемуся за секуляризацию семинарского образования, корректное отношение преподавателей к воспитанникам и улучшение условий жизни учащихся. Актуальной темой дискуссии, требующей дальнейшего изучения, является жизнь и деятельность преподавательской корпорации духовных школ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адамов М.А. Основные причины протестного движения учащихся духовных семинарий второй половины XIX–начала XX веков // *Духовные школы на рубеже эпох: уроки истории. Материалы научно-богословской конференции. Курская православная духовная семинария*. 2017. С. 48–64.

[Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // *Русский заграничный сборник*. № 4. Berlin — Paris — London: A. Asher et C° etc., 1858. 166 с.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 352. Оп. 5. Д. 267.

ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 355.

ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906.

ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1222.

ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1330.

ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1540.

Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 936 с.

Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб.: Летний Сад; Коло, 2001. 800 с.

Ирушкин Н.М. Семинарские бунты и революционизация православной молодежи в начале XX в. // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII Международной научной конференции (Иваново, 28–29 марта 2018)*. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2015. С. 122–128.

Кириллов А.А. От Комиссии по устройству Донской епархиальной миссионерской школы // *Донские епархиальные ведомости*. 1896. Официальный отдел. № 15. С. 366–368; № 16. С. 388–391; № 17. С. 411–413.

Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия Донской духовной семинарии 1 октября 1893 г. Новочеркасск: Донская Типография, 1893. 56 с.

Леонтьева Т.Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX века // *Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль*. Под ред. В.П. Булдакова. М.: Б.и., 1997. С. 20–38.

Никольский П.В. История Воронежской духовной семинарии. Воронеж: Образ, 2011. 656 с.

Павленко Т.А. Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 77. С. 139–144.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 30. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. С. 368–395.

Попов А. История Новочеркасского духовного училища Донской епархии // *Донские епархиальные ведомости*. 1896. № 5. С. 116–130; № 8–9. С. 214–218; № 11. С. 281–284; № 16. С. 447–452; № 17. С. 490–197; № 19. С. 564–567; 1898. Неофициальный отдел. № 3. С. 61–64; № 6. С. 157–161; № 8–9. С. 213–217; № 10. С. 257–262.

Попова О.Д., Попова А.Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX–начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 2(52). С. 39–56.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 10. Д. 40.

РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 8.

РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126.

Регламент или Устав Духовной Коллегии // *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание первое. Т. 6. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия: от прошлого к настоящему. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1998. 334 с.

Рункевич С.Г. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1900. 429 с.

Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. 232 с.

Снесарев Н.П. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона. В 2 вып.: вып. 1. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1877. 238 с.

Устав православных духовных семинарий // *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание второе. Т. 42. Отделение 1. № 44571. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1871.

Ядрицов В.П. Уроки радикализма: учащиеся средних учебных заведений Дона и Северного Кавказа и революционное движение 1901–1904 гг. // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 1994. № 1–2.

Freeze G.L. *Parish clergy in nineteenth century Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 546 p.

Lindenmeyr A. *Poverty is not a vice*. Princeton: Princeton University Press, 1996. 335 p.

REFERENCES

Adamov M.A. Osnovnyye prichiny protestnogo dvizheniya uchashchikhsya dukhovnykh seminariy vtoroy poloviny XIX–nachala XX vekov [The main reasons for the protest movement of students of theological seminaries in the second half of the 19th – early 20th centuries], in *Dukhovnyye shkoly na rubezhe epokh: uroki istorii. Materialy nauchno-bogoslovskoy konferentsii. Kurskaya pravoslavnyaya dukhovnaya seminariya* [Theological schools at the turn of the epochs: lessons of history. Materials of the scientific and theological conference. Kursk Orthodox Theological Seminary]. 2017. Pp. 48–64 (in Russian).

[Belyustin I.S.] Opisanie sel'skogo dukhovenstva [Description of rural clergy], in *Russkii zagranichnyi sbornik*. No. 4. Berlin – Paris – London: A. Asher et C° etc., 1858. 166 p. (in Russian).

State Archives of the Rostov Region (GARO). F. 352. Inv. 5. D. 267.

GARO. F. 352. Inv. 1. D. 355.

GARO. F. 352. Inv. 1. D. 906.

GARO. F. 352. Inv. 1. D. 1222.

GARO. F. 352. Inv. 1. D. 1330.

GARO. F. 352. Inv. 1. D. 1540.

Dobroklonskiy A.P. *Rukovodstvo po istorii Russkoy Tserkvi* [Guide to the history of the Russian Church]. Moscow: Krutitskoye patriarsheye podvor'ye, 1999. 936 p. (in Russian).

Znamenskiy P.V. *Dukhovnyye shkoly v Rossii do reformy 1808 g.* [Theological schools in Russia before the reform of 1808]. St. Petersburg: Letniy Sad; Kolo, 2001. 800 p. (in Russian).

Irushkin N.M. Seminarskiye bunty i revolyutsionizatsiya pravoslavnoy molodezhi v nachale XX v. [Seminary riots and the revolutionization of Orthodox youth at the beginning of the 20th century], in *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo, 28–29 marta 2018)* [State, society, Church in the history of Russia of the 20th–21st centuries. Proceedings of the XVII International Scientific Conference (Ivanovo, 28–29 March 2018)]. Ivanovo: Izd-vo "Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet", 2015. Pp. 122–128 (in Russian).

Kirillov A.A. Ot Komissii po ustroystvu Donskoy yeparkhial'noy missionerskoy shkoly [From the Commission for the establishment of the Don Diocesan Missionary School], in *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti* [Don Diocesan Gazette]. 1896. Ofitsial'nyy otdel. No. 15. Pp. 366–368; No. 16. Pp. 388–391; No. 17. Pp. 411–413 (in Russian).

Kirillov A.A. *Prazdnovaniye dvadtsatipyatiletiya Donskoy dukhovnoy seminarii 1 oktyabrya 1893 g.* [Celebrating the twenty-fifth anniversary of the Don Theological Seminary on October 1, 1893]. Novocherkassk: Donskaya Tipografiya, 1893. 56 p. (in Russian).

Leont'yeva T.G. Byt, nnavy i povedeniye seminaristov v nachale XX veka [Life, customs and behavior of seminarians at the beginning of the 20th century], in *Revolyutsiya i che-lovek. Byt, nnavy, povedeniye, moral'*. Ed. V.P. Buldakova. Moscow: b.i., 1997. Pp. 20–38 (in Russian).

Nikol'skiy P.V. *Istoriya Voronezhskoy dukhovnoy seminarii* [History of the Voronezh Theological Seminary]. Voronezh: Obraz, 2011. 656 p. (in Russian).

Pavlenko T.A. Bunty seminaristov v 1905–1907 gg.: traditsionnyy protest v usloviyakh revolyutsii [Seminary riots in 1905–1907: traditional protest in the conditions of revolution], in *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2008. No. 77. Pp. 139–144 (in Russian).

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g. [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 30. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii, 1830. Pp. 368–395 (in Russian).

Popov A. Istoriya Novocherkasskogo dukhovnogo uchilishcha Donskoy yeparkhii [History of the Novocherkassk Theological School of the Don Diocese], in *Donskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1896. No. 5. Pp. 116–130; No. 8–9. Pp. 214–218; No. 11. Pp. 281–284; No. 16. Pp. 447–452; No. 17. Pp. 490–497; No. 19. Pp. 564–567; 1898. No. 3. Pp. 61–64; No. 6. Pp. 157–161; No. 8–9. Pp. 213–217; No. 10. Pp. 257–262 (in Russian).

Popova O.D., Popova A.D. Buntuyushchaya seminariya: protestnoye dvizheniye v dukhovnykh uchebnykh zavedeniyakh (vtoraya polovina XIX–nachalo XX vekov) [Rebellious seminary: protest movement in religious educational institutions (second half of the 19th–early 20th centuries)], in *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2017. No. 2(52). Pp. 39–56 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 802. Inv. 10. D. 40.

RGIA. F. 802. Inv. 10. D. 8.

RGIA. F. 802. Inv. 15. D. 1126.

Reglament ili Ustav Dukhovnoy Kollegii [Regulations or Charter of the Theological College], in *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye pervoe. Vol. 6. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii, 1830 (in Russian).

Rimskiy S.V. *Pravoslavnyaya tserkov' i gosudarstvo v XIX veke. Donskaya yeparkhiya: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Orthodox Church and State in the 19th Century. Don diocese: from past to present]. Rostov-na-Donu: Rostovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1998. 334 p. (in Russian).

Runkevich S.G. *Istoriya Russkoy Tserkvi pod upravleniyem Svyateyshego Sinoda* [History of the Russian Church under the control of the Holy Synod]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1900. 429 p. (in Russian).

Runkevich S.G. *Russkaya tserkov' v XIX veke* [Russian Church in the 19th century]. St. Petersburg: Tipografiya A.P. Lopukhina, 1901. 232 p. (in Russian).

Snesarov N.P. *Donskaya yeparkhiya i desyatiletneye upravleniye yeyu arkhiyepiskopa Platona* [The Don diocese and the ten-year administration of it by Archbishop Platon]. V 2 vyp.: vyp. 1. Novocherkassk: Oblastnaya voyska Donskogo tipografiya, 1877. 238 p. (in Russian).

Ustav pravoslavnykh dukhovnykh seminariy [Charter of Orthodox theological seminaries], in *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye vtoroe. Vol. 42. Otdelenie 1. No. 44571 St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii, 1871 (in Russian).

Yadritsov V.P. *Uroki radikalizma: uchashchiyesya srednikh uchebnykh zavedeniy Dona i Severnogo Kavkaza i revolyutsionnoye dvizheniye 1901–1904 gg.* [Lessons of radicalism: students of secondary schools in the Don and the North Caucasus and the revolutionary movement of 1901–1904], in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*. 1994. No. 1–2 (in Russian).

Freeze G.L. *Parish clergy in nineteenth century Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 546 p.

Lindenmeyr A. *Poverty is not a vice*. Princeton: Princeton University Press, 1996. 335 p.

Статья принята к публикации 21.01.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-192-206

УДК 93/44

ВООБРАЖАЕМАЯ СЕМИНАРИЯ: ЗАКОН ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО

Всеволодов Антон Владимирович

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия

Vsevolodov12@yandex.ru

Аннотация. Проблематика «бурсы и бурсаков» до сих пор изучается двояко. С одной стороны, применительно к ней не теряет актуальности революционно-бунтарский контекст; с другой стороны, семинария как основное звено системы духовно-учебных заведений в России XIX–начала XX в. рассматривается как зона концентрации всех его несовершенств, слабых мест и пороков, являющихся одновременно стимулами и точками приложения реформаторских усилий. В источниках можно проследить две стратегии описания «бурсы», воспринятые и в научной литературе: «обличительную», восходящую к *opus magnum* Н.Г. Помяловского, и «оправдательную», конституированную во многом полемикой с ним. Наконец, сама оптика исторических штудий чувствительна, как правило, по отношению к двум коллективным объектам исследовательского воображения – учащимся и тем, кто вокруг них (чаще всего – «начальству» разных степеней и эпизодически вовлекаемым светским лицам). Преодолеть подобную ограниченность или смягчить ее последствия можно за счет введения в исследование третьего ракурса. Так, нуждается в поправках тезис о «бегстве» лучших воспитанников из семинарий как альтернативе церковному служению. В этом явлении, кроме интеллигентской, прослеживается и мещанско-крестьянская линия. Близок, но не тождествен ему этап временной «маргинализации», в течение которого вышедший из училища или семинарии, но не из сословия, попovich некоторое время проводит на светской службе в ожидании приходского места. И сам по себе «священный исход» не может однозначно толковаться как симптом кризиса: он скорее следствие усложнившейся социальной динамики, на фоне которой складывалось новое самосознание детей духовенства. В свою очередь картина внутренней жизни «бурсы» обретет новое измерение, если учесть взгляд родителей «бурсаков» и через эту призму проанализировать школу как особый дидактический конструкт и пространство реального образования, а не только протеста и реформирования, оправдания или отрицания.

Ключевые слова: семинария, «бурса и бурсаки», Н.Г. Помяловский, описательные стратегии, историография, стереотип, этос, духовное сословие, социальная динамика.

IMAGINARY SEMINARY: THE LAW OF THE EXCLUDED THIRD

Vsevolodov Anton V.

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia
Vsevolodov12@yandex.ru

Abstract. The problems of “bursa and bursaks” are still studied in two ways. On the one hand, the revolutionary-rebellious context does not lose its relevance in relation to it; on the other hand, the seminary as the main link of the system of spiritual educational institutions in Russia of the 19th–early 20th centuries is considered as a zone of concentration of all its imperfections, weaknesses and vices, which are both stimuli and points of application reform efforts. In the sources, one can trace two strategies for describing the “bursa”, which are also perceived in the scientific literature: “accusatory”, dating back to N.G. Pomyalovsky’s opus magnum, and “exculpatory”, constituted largely by polemics with him. Finally, the optics of historical studies itself is sensitive, as a rule, in relation to two collective objects of the research imagination – students and those around them (most often, “superiors” of various degrees and occasionally involved secular persons).

It is possible to overcome such limitations or mitigate its consequences by introducing an excluded third angle into the study. The thesis about the “flight” of the best students from seminaries as an alternative to church service also needs amendments. In this phenomenon, in addition to the intelligentsia, there is also a bourgeois-peasant line. The stage of temporary “marginalization” is close, but not identical to it, during which Popovich, who left school or seminary, but not from the estate, spends some time in secular service waiting for a parish place. Thus, the “holy exodus” itself cannot be unambiguously interpreted as a symptom of the crisis: it is rather a consequence of the complicated social dynamics, against which a new self-consciousness of the children of the clergy was formed. The picture of the inner life of the “Bursa” will gain a new dimension if we take into account the view of the parents of the “Bursaks” and through this prism analyze the school as a special didactic construct and a space of real education, and not just protest and reform, excuses or denials.

Keywords: seminary, “bursa and bursaks”, N.G. Pomyalovsky, descriptive strategies, historiography, stereotype, ethos, spiritual estate, social dynamics.

Цитирование: Всеволодов А.В. Воображаемая семинария: закон исключенного третьего // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 192–206.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-192-206 / Vsevolodov A.V. Imaginary Seminary: The Law of the Excluded Third, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 192–206.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-192-206.

© Всеволодов А.В., 2024

Из предложенных к дискуссии вопросов я позволю себе сосредоточиться в большей степени на втором, четвертом и пятом — понимая, что надежно разделить их в разговоре о духовном сословии и духовном образовании в позднейимперской России, не уклонившись в чем-то в сторону, затруднительно. Уточню, что «бурсой» и «бурсаками» далее будут называться в целом духовно-учебные заведения (начальные и средние) и их воспитанники и выпускники соответственно. Какие-то из затрагиваемых ниже проблем подаются поверхностно, иллюстративно, и в самой их постановке искушенный читатель не найдет новизны; иногда изложение может показаться слишком резким, где-то по необходимости спекулятивным. Все это, как и обильное цитирование, не только произвол пишущего, но и бремя жанра.

Исследователь духовно-учебных заведений Синодального периода видит их чаще всего глазами тех, кто еще находится в этой среде, либо тех, кто уже (а то и вообще) не имеет к ней отношения. Но и при наличии доступа к обоим ракурсам, определяемого как источниковыми возможностями, так и методологическими вкусами, «слепые зоны» в работе с этой темой неизбежны, чему способствуют, кроме прочих, два обстоятельства.

Во-первых, действительно, ученик в конкуренции за внимание историка почти всегда побеждает учителя. Наставник в пространстве между «начальством» (церковным и светским) и массой своих подопечных — третья фигура: вроде бы самостоятельная, но не имеющая такого же, как первые две, громкого голоса. Простейшее объяснение этому видится мне в следующем. Поскольку статус преподавателя духовных училища / семинарии / академии мог быть транзитным, многие тексты, созданные «учащими», и не воспринимаются как часть школьного дискурса: для их квалификации гораздо важнее оказывается конечное положение автора. Таков, в частности, пример Н.П. Гилярова-Платонова. Некогда, в молодости, «блестящий профессор» [Покровский, 1916, с. 208] Московской духовной академии, свои знаменитые теперь воспоминания он писал, будучи журналистом и общественным деятелем.

Еще одна вероятная причина кроется в конкретных установках и интенциях, которыми руководствовались духовные педагоги, принимая на себя бремя писательства. Если типичен случай помощника инспектора Вологодской духовной семинарии Н.А. Ильинского, то следует признать, что, по крайней мере, часть его коллег трудилась не для печати, а в наставление детям. Их записки, по заявляемому назначению, не должны были выйти за пределы семейно-родственного круга и представляли собой, кроме словесного памятника автору, средство межпоколенческой дидактики. В связи с этим возможно было и оппонирование литературному канону. Тот же Ильинский, искренний апологет «старой доброй школы», призывал детей «беспристрастно» оценить «Очерки бурсы» (сам он предпочитал уже вошедшие в читательский обиход «Воспоминания причетнического сына» А.А. Попова (1913) и «Из школьных воспоминаний бывшего семинариста...» Е.В. Грязнова (1903)) [ГАВО, ф. Р-5250, оп. 1, д. 1, л. I-II].

Это подводит меня ко второму из упомянутых обстоятельств.

Историографически духовная школа в известном смысле до сих пор теряется на фоне пронизывавших ее внешних процессов¹ или личностей, частью биографии которых она становится². Действительно, наиболее обширные области посвященной ей литературы едва ли не больше, чем с нею, связаны с тем, что происходило за ее стенами. В самой школе страдают, нуждаются, протестуют/бунтуют, из нее уходят за лучшей долей, ее неоднократно и малоуспешно реформируют – либо обсуждают, как и зачем это делать. А вот ее внутренняя жизнь, не сводимая к протесту или быту и его рутинным процедурам, известна до сих пор выборочно. Возникающий на пересечении названных полей интересов феномен «бурсы и бурсаков», конечно, прежде всего литературоцентричен. Но следует уточнить, что по крайней мере иногда художественно-публицистическая, мемуарная и историографическая рефлексии по его поводу бывают удивительно созвучны, а значит и равно ответственны. Потому, при всей информационной и эвристической значимости литературных и мемуарных свидетельств, вряд ли стоит по умолчанию вручать им первенство. Их стоит, как бы ни банально это звучало, сопоставлять с другими источниками, прежде всего делопроизводственными. Насколько плодотворно оказывается подобное сопоставление, показала О.Д. Попова [Попова, 2018].

Понятная литературо- и мемуароцентричность исследований духовной школы часто приводит к опасному сближению языков ученого и его источников. Это мы, кажется, не всегда принимаем в расчет как возмущающий фактор в изучении не только системы духовного образования, но и в целом социальной истории православия в пореформенную эпоху.

Систему духовно-учебных заведений описывают, используя противоположные по знаку стратегии, которые, тем не менее, по заложенной в них логике оказываются очень похожи. Главное общее свойство здесь – амбивалентность, контрастность изложения. Те, кто склонен, несмотря ни на что, оправдывать «бурсу», признают, что внутренняя обстановка в ней далека от бытового, педагогического и нравственного идеала – это особенно остро ощущалось на переходе между начальным и средним этапом обучения. Современник-биограф А.П. Щапова писал, как «полуголодная тяжелая и удушливая среда» «побоев и тиранства» в училище сменилась «удовлетворительным содержанием», «человечным обхождением», «помещением сравнительно чище и опрятнее» в семинарии, располагающим к научным занятиям («он в семинарии уже читал “Историю” Карамзина»). И в духовной академии уровень подготовки оказался «несомненно выше университетского» [Аристов, 1882, с. 7–9].

Еще один горизонт сравнения пролегает между «старой» и «новой» школой. Выпускник Владимирской семинарии Н.И. Соловьев замечал в воспоминаниях, что и до, и после реформ 1860-х гг. «желание учеников училища поступить в семинарию... равносильно желанию гимназистов поступить в университет» [Соловьев, 1899, с. 376]: сколь училищная жизнь считалась тяжела, столь семинарская, в сравнении

---

¹ Образцом такого – весьма продуктивного – умолчания можно назвать статью Т.А. Павленко, в которой прекрасно показан семинарский бунт, но почти не просматривается сама семинария [Павленко, 2009].

² Здесь назову только одно, но подлинно фундаментальное жизнеописание [Богданова, 2010].

с ней, казалась привольна. Но и здесь «в классах была нестерпимая стужа, ученики и преподаватели сидели в шубах, отхожие места состояли из деревянного сарая в нескольких десятках сажений от семинарии, где во время перемен от куримого учениками табаку шел дым точно от фабричной трубы» [Соловьев, 1899, с. 393]. Устав 1867 г. положил конец не только «благоденственному процветанию типов Помяловского», но и «самостоятельному семинарскому саморазвитию»; была «убита у семинаристов всякая самостоятельность и стремление к самообразованию», они обратились «в школьников уездного училища» [Соловьев, 1899, с. 394, 398]. Для Д.Н. Мамина-Сибиряка «...старая школа умела на один день быть действительно гуманной, выкупая этим именно счастливым днем все свои педагогические вольные и невольные прегрешения <...> Новая школа <...> формально справедливее и формально гуманнее, но в ней учитель и ученик отделены такой пропастью, через которую не перекинута ни одного живого мостика. Новая школа не знает отступлений от своих программ, и ученики в ней являются в роли простых цифр известной педагогической комбинации» [Мамин-Сибиряк, 1955, с. 542–543; Мангилева, 2015].

Обличительная традиция, создавая свой стереотип школы, следует в том же русле — хотя с изрядной добавкой революционно-демократической или любой другой заданности. Она забывает, что, хоть у современников «бурса», ее порядки и наставники вызывали «содрогание», подходить к этому нужно всегда со сравнительной меркой. Как заметил Грегори Фриз, «мрачный портрет духовной школы стоит рассматривать в перспективе, поскольку многие ее проблемы были свойственны не только ей одной. Светские учебные заведения так же страдали от низких образовательных стандартов, педагогической косности, кадрового голода и нищеты» [Freeze, 1983, p. 142].

Негативный образ строится на готовых решениях и магии сильных личностей. Так, С.А. Рейсер, соединяя собственный анализ и цитатное слово, изображает томление молодого Добролюбова. У него будущий критик «задыхается» в Нижегородской семинарии — «в этом грязном омуте, между этими немывыми физиогномиями, в этой душной атмосфере педантских выходов, грубых хваток и пошлых острот». Разве удивительно тогда, что талантливый юноша уезжает в Петербург, «чтобы продолжить свое образование и осуществить давнюю мечту о полезной деятельности на благо общества и отечества» [Рейсер, 1957, с. 111]? Ничуть. Вот и Чернышевский, возвышающийся интеллектуально не только над сверстниками, но и над преподавателями, томится у себя в Саратове еще сильнее. Настолько, что в «среднем классе» ему «невыносимо стало продолжать казенно-духовное образование. <...> Семинария стала обузой, мешала нормальному развитию» [Рейсер, 1957, с. 84].

Вопрос о том, таким ли уж темным было семинарское царство, Рейсером в обоих случаях не ставится, поскольку побег из бursы предreshен хотя бы используемой моделью конфликта: *герой-одиночка vs враждебная среда*. Любопытно, что и современный подход к объяснению казуса Добролюбова в сравнении с этой романтизированной схемой не выглядит убедительным. По мнению Лори Манчестер, будущая «икона русского радикализма» в семинарии делал первые шаги в его сторону, формулируя в робких учебных проповедях основополагающие пункты своего

социально-политического идеала [Манчестер, 2015, с. 331–332]. Следовательно, расставание его с семинарией и выбор в пользу Главного Педагогического института и здесь оказываются *как бы* предreshены – но не рефлексированы вообще. Это, конечно, часть общей проблемы непроясненности интеллектуальной эволюции поповичей «на пути из клерикальной юности в радикальную зрелость», о которой писала в связи с работой Манчестер Т. Бахметьева [Bakhmetyeva, 2009, p. 866].

В интеллектуальную ловушку грозят завести не только заранее устанавливаемые выводы, но и власть авторитетного текста, доходящая до того, что языки источника и исследования становятся почти неразличимы, когда относятся к одному объекту. И даже если такое сходство есть сознательно допускаемый стилистический прием, вносимые им искажения заставляют задуматься: что же мы получаем на выходе – конкурентную версию или *авторитарную* конструкцию?

Диктат (перво)источника, направляемый и фреймируемый идеологически, легче всего проследить в советском литературоведении. В конце 1960-х гг. И.Г. Ямпольский, характеризуя пройденный Помяловским «бурсацкий ад», открыто подражал стилю своего героя: «...зубрежка под постоянной угрозой розги», «начальники и педагоги не могли возбудить в своих питомцах ничего, кроме жгучей ненависти к себе», «ненависть к начальству и всепоглощающая скука, отсутствие всякой разумной деятельности...», «...цинические и грязные шутки, площадная ругань не сходили с уст многих педагогов», «цензоры, аудиторы и секундатеры держали в своих руках судьбу остальных бурсаков...» и т.д. [Ямпольский, 1968, с. 9–11, 14]. В.Н. Сажину в книге перестроечного времени почти удалось подобрать «Очеркам бурсы» дистанцию, на которой получалось приглушить их мощное обаяние. Однако и у него «...ширились и выступления учащихся против казенных и жестоких порядков», «по-прежнему бурса отвратительна своей лживой схоластикой и из нее бегут» и т.д. [Сажин, 1989, с. 83–84].

Уместно возразить, что публицистический пафос составляет неотъемлемое свойство языка описания духовной школы и самой ее феноменальности. Что теперь он «обезврежен» и изжит. Но похожий тон слышен еще и в некоторых научных трудах начала 2000-х гг., где, например, «конформизм, ханжество и лицемерие пропитывали собой семинарскую среду», «инспекторов семинаристы ненавидели, а те порой травили молодых поповичей», а «поведение семинарских церберов, как правило, вызвало осуждение со стороны более либеральных преподавателей» [Леонтьева, 2001, с. 33–34]. Тогда исход из бурсы в революцию отнюдь не выглядит «загадочным» и тем более не кажется «утечкой мозгов» [Миронов, 2000, с. 107; Дашкевич, 2009, с. 265]. Он становится неизбежным, совсем как у Рейсера – отъезд Добролюбова в Петербург.

Границы между жанрами и регистрами духовно-школьного письма оказываются порой настолько проницаемы, что историк, продвигаясь к образу желаемого результата, может нечаянно «раствориться» в материале. Если не потерю, то ослабление его субъектности легко ощутить, сравнив приведенные выше историографические высказывания со словами И.С. Белюстина: «Что он (воспитанник духовного училища. – А.В.) видел постоянно в квартире своей? Грязь и порок. Что он видел в училище? Ту же грязь. Что видел в начальниках и учителях? Злых и жестоких наемников,

единственная цель действий которых — грабеж, смелый, непреследуемый и ненаказываемый; видел, что для учителя, часто нетрезвого, не существуют ни закон, ни правда, ни совесть; что он безнаказанно казнит и милует, и что единственное средство избавиться от козней — давать деньги...» [Белюстин, 1858, с. 25]. Суждения, разделенные более чем столетием, оказываются, фактически, идентичны.

Итак, накопленный исследовательский опыт вместо того, чтобы стимулировать к дальнейшим поискам, иногда вынуждает сначала себя преодолевать. Речь не об историографической критике, которая естественна, — и не только о том, что снова и снова формулируются одни и те же вопросы с заранее заготовленными ответами. Дело, я полагаю, обстоит так, что историография и самовоспроизводящийся в ней язык темы в какой-то момент превращаются в «черные зеркала»: в них и сквозь них становится трудно увидеть новое.

Уверенность в том, что ранее предложенные объяснения по-прежнему исчерпывающи, основывается порой на абсолютизациях. Не думаю, что ошибусь, если скажу, что мы до сих пор не имеем углубленного, хотя бы в пределах одной епархии, исследования мотивов ухода и из духовной школы, и из духовного звания — без того, чтобы обязательно рассматривать их в революционно-бунтарском контексте или в связи с проблематикой карьеры и *Modern Self*. Пресловутые 22% народников 1870-х гг., происходящие из поповичей, бесспорно — симптом, но чувствителен он в первую очередь для понимания сущности народничества. О реальной динамике духовной среды эта цифра сообщает гораздо меньше, да и величина показателя — спорна [Антонов, 1965, с. 338, 340; Freeze, 1983, р. 360]. Почему, например, не сопоставить с нею случаи поступления бывших воспитанников училищ или семинаристов с «духовной службы» в крестьянство или мещанство? Имевшие, согласно мнению Государственного совета от 26 мая 1869 г., права детей личных дворян или личных почетных граждан [ПСЗРИ, собр. 2, т. XLIV, отд. 1, № 47138, с. 521], сыновья духовенства нередко записывались в податные сословия, подталкиваемые различными обстоятельствами: из-за нехватки приходских мест, по болезни, вследствие нужды («так как имею жену и сына, без земельного участка пропитываться не могу» [ГАВО, ф. 388, оп. 3, д. 77, л. 6об.]) и т.п. Должна ли такая мобильность по умолчанию рассматриваться как фактор потенциальной революционизации или свидетельство ментальных сдвигов? Очевидно, нет. Она интересна как особое явление, и без ее учета общая картина «священного исхода» будет тенденциозна. Конечно, в отличие от мемуаров, синхронные источники мало говорят о мотивах подобных действий (а когда говорят — их сведения сильно формализованы), но пренебрегать ими только поэтому опрочметливо.

Другой сюжет, заслуживающий внимания, представляет ситуация, когда выпускник семинарии или училища оказывается без места и несколько лет проводит на светской службе, что ни в коем случае не отменяет поступление на приход как его ближайшую жизненную цель. Формулируется ли эта цель узко-прагматически, либо идеалистически — судить всегда трудно. Важно понять, насколько распространена была такая практика и какие комбинации жизненных обстоятельств инициировали соответствующие шаги. В прошениях на архиерейское имя диапазон обозначаемых

мотивов широк — от чисто материальных («...не имея никаких средств к существованию, осмелюсь утруждать Вас, Преосвященнейший Владыко, не благоволено ли будет определить меня во псаломщика...») [ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 15741, л. 6об.] до более сложных («Прослужив два года в должности сельского учителя и имея от роду уже 23 года, я имею желание принять на себя сан священства...») [ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 15741, л. 7].

По-видимому, «бегство» из духовного сословия включало несколько разнонаправленных линий мобильности. Из них сейчас изучена одна, связанная с предпочтением светской карьеры и использованием семинарского образования в обеих его составляющих — богословской и «гражданской» — как стартового капитала. Другая линия представляла собой развилку: один путь выводил так же в мир, но только не интеллигентский, а скорее крестьянский; второй сначала выбрасывал выпускника на светскую стезю, но потом все-таки возвращал его в приход. Если добавить сюда нормативную траекторию (когда выпускник служил причетником, принимал сан или продолжал образование в академии), то неклассический вариант «бегства», описанный выше, опять-таки становится исключенным третьим. Само его существование как компромиссного варианта жизнеустройства духовной молодежи еще предстоит проблематизировать. Но и без того понятно, что о таких категориях, как, например, «сословность» и «профессионализм», применительно к лицам духовного звания следует рассуждать с аккуратностью — сначала в том диапазоне значений, который использовался в изучаемое время.

Ставя на вид духовно-учебным заведениям XIX–начала XX в. неспособность по-настоящему открыться для всех, а не только для детей клириков, полагают сословность признаком косности и отсталости. Профессионализм, не знающий социальных ограничений, трактуется поэтому как позитивный идеал, к которому российская церковь только начала двигаться [Мионов, 2000, с. 107]. Тут нужно оговориться, что в сознании современников пропасти между тем и другим понятием не существовало. Не разводил их даже такой знаток, как Н.Н. Глубоковский. В 1905 г. он писал: «По своим задачам духовная школа имеет целью постепенно готовить духовно зрелых людей, чтобы они потом могли посвящать себя духовному служению в Церкви. Второе, предполагая свободное избрание, не вменяется всем духовным воспитанникам в непрременную общую обязанность...» [Глубоковский, 1907, с. 2]. Совмещение в стенах семинарии религиозного воспитания и общего образования изначально ослабляло ее, поскольку «общеобразовательный элемент не подходит к конечным семинарским целям». Чтобы пастырское служение сделалось общедоступным и привлекательным, богословская наука должна быть не «профессиональной должностью» одного духовенства, а обязательной частью «всякого одухотворенного воспитания» [Глубоковский, 1907, с. 5].

Здесь, думается, учтена коллизия, которую игнорировали при проведении в жизнь духовно-училищных уставов. «Ремесло» в системе духовного образования невозможно было отделить от нравственного развития обучающегося, первоначальную основу которого составлял насыщенный богословским содержанием сословный этос. Первоначально он усваивался в семье и позже деформировался под воздействием

школьной действительности. Потому так трудно оказывалось переделывать или подправлять одну только школу – без изменений в церковном строе вообще, в положении духовенства, его домашнем и служебном быту. И Глубоковский, верно определив ключевой изъян духовного образования, не смог бы при всем желании указать реалистичного средства к его исправлению. Сословность школы, отмечал Николай Никанорович, «вовсе не ведет к сословной профессиональности, скорее в обратную сторону, ибо ни родители, ни дети не могут рассчитывать на профессиональное служение, ... поскольку детей духовных гораздо больше, чем духовно-церковных мест» [ОР РНБ, ф. 194, оп. 2, д. 10, л. 2]. Признавал он, вслед за своим товарищем Н.А. Ильинским, и тот факт, что значительная часть семинаристов «вовсе не желает нести пастырского служения» [Глубоковский, 1907, с. 3].

Последний тезис трудно интерпретировать, если придерживаться одной логики болезни и симптома. Подсчеты на основе данных начала XX в., сделанные А.Л. Бегловым, позволяют заключить: сравнительно малое и к тому же нестабильное количество новопоставленных священников из других сословий свидетельствует не о кастовости, а только о непривлекательности церковного служения [Беглов, 2021, с. 168–171]. Это лишний раз доказывает, что и нацеленность детей клириков на университеты и светские академии вряд ли является однозначным признаком упадка сословности, скорее – подчеркивает, что духовная школа в образовательном отношении оставалась, вопреки всему, эффективна.

Но какое бы поприще в итоге ни избирал себе семинарист, важнейшую роль в его самоопределении играл отец. Он в годы учебы был сыну первым корреспондентом, наставником, психологом, спонсором, защитником – или никем из них. Родительскому восприятию семинарии обычно не придают большого значения, прежде всего по недостатку его прямых, синхронных свидетельств. Напротив, в ретроспективных образах отцов семинаристов недостатка нет. Они в большей части сводятся к ограниченному набору клише – хотя со многими вариациями: «Отец Добролюбова был соборный протоиерей, человек многоученый и чтимый. Отец же Николая Успенского был поп-деревенщина самого низшего ранга, сливавшийся в бытовом отношении с дьячками, пономарями и другой мелкотой» [Чуковский, 1960, с. 107]; «Отец – священник Гавриил Иванович – не только не препятствовал сыну, но всячески помогал ему получить светское образование; недаром Герцен говорил о нем, что “это был не поп или очень мало поп”» [Рейсер, 1957, с. 84]; «...отец А.П. Щапова был грешен русским грехом – любил выпить...» [Лучинский, 1908, с. III]; «В конце прошлого столетия представителем рода Тихомировых был священник, Александр Родионович, в селе Ильинском... Семья Александра Родионовича была по-тогдашнему из образованных. Детей рано заставляли учиться. Рано же отдали отца моего в тульскую семинарию, где способности его обратили на себя общее внимание» [Тихомиров, 2003, с. 33, 36–37].

Уже из разнообразия родительских типов следует, что мнение главы семьи имело у выпускников разный вес, постепенно превращаясь из императива в рекомендацию, а иногда – в тщательно скрываемое желание. В последнем случае карьерные

планы и ожидания взаимно не озвучивались отцами и детьми до последнего («...до тех пор батюшка никогда еще не заводил со мной разговоров о будущих планах... Тут только впервые я услышал, что он прочил меня в духовное звание; расчет его был ясный: ему хотелось, чтобы хоть одного из сыновей *пустить* в духовное звание» [Из школьных воспоминаний, 1903, с. 239]). Если семинарист хотел стать священнослужителем и получить приходское место, благословение отца становилось не просто риторически обязательным, но и необходимым. О нем, наряду с «душевным расположением», «призванием и указанием свыше» [ГАВО, ф. 496, оп. 1, д. 15741, л. 3] и т.п., упоминали, аргументируя просьбу о назначении.

Чрезвычайно интересны примеры, если можно так выразиться, вовлеченного отцовства. Я говорю не о тираническом вмешательстве в учебную жизнь детей, вроде принудительного возвращения в семинарию «бегунов» [Леонтьева, 2018, с. 23]. Имеются в виду эпизоды, когда учебные реалии становились значимой частью переписки между служившим священником и его сыном, постигавшим школьную премудрость. В сочетании со специфической эмоциональностью удаленной коммуникации учебные сюжеты приобретали в письмах совершенно особую нагрузку. На них проецировался повседневный воспитательный идеал, в свете которого «бурса» наконец-то выходила из порочного круга обличения/оправдания и становилась просто школой. В этом третьем измерении она была пространством труда, образовательных и нравственных испытаний и стоявшей за ними моральной экономики взросления – принимавшей и преломлявшей повседневную аскезу, бытовую неустроенность, постоянное физическое и психологическое давление.

Дидактизм родительских рекомендаций нормален до приторности, и как раз поэтому сложно переоценить их информационный ресурс. Они представляют оригинальное раскрытие, буквально – прямое проговаривание этоса поповича, с легкостью совмещавшего этикетный конформизм и высокие цели. Однако, при ощутимой с первых фраз сословности звучания, содержательно моралите отцов-священников не столь уж сильно отличаются от того, что внушали бы своим нерадивым отпрыскам миряне.

Новгородский священник почти с полувековым служебным стажем наставлял сына: «Не упускай времени учиться добрым наукам и готовься к каждому классу, а их во дни три перемены. Повинуйся учащим, с почтением к ним, благодари их за внимание к тебе, люби их паче нас; будь всем доволен, не ропщи ни за что. Обхождению хорошему навыйкай. Не будь упрям и ленив, дорожи временем» [ЧерМО, ф. 8, оп. 55, д. 2, л. боб. –7]. Педагогически универсальными, находящимися вне чисто сословного контекста, если не учитывать отсылки к религиозному опыту и стилистику, оказываются и такие советы: «Переводу твоему рады, а о лучшении, повышении себя в сем классе позаботиться надобно, попросить прилежно святых угодников Божиих, да испросят они у Господа дарование понимать начатое учение. Будь внимательн[ее] к изучению лекций. Не рассеивайся и по сторонам немного гляди; от рассеянности нет пользы, стыд один теперь, а после в жизни горе и неприятности будешь вкуша[ть]. Вот, вообрази, пришло ли пользы тебе [от] того, что

два года просидел в 4 классе? Этому успеху твоему, я полагаю, рассеянность, тобой себе позволенная, была причиною. О преуспевании в науках позаботиться надобно, взаболь, а не поверхностно. Чего не знаешь, понять не можешь, спроси у хороших знакомых. А по бульвару попусту и с высшим[и] тебя не таскайся. От неутренней прогулки, кроме вреда, угрызения совести, ничего более не вкусишь. Допустишь лень в учении, придётся понести иго воинской повинности...» [ЧерМО, ф. 8, оп. 55, д. 2, л. 13–13об.]. О льготах по воинской повинности, которые получал окончивший курс семинарии см.: [Сушко, 2010, с. 205–206].

Всячески культивируемое почтение к начальствам соединялось с призывом дистанцироваться от неблагонамеренных однокашников: «Начальников, в глаза и по заглазью, почитай. С товарищами благонамеренными дружись, а от вольнодумных отставай далее, прочь от них. Они, эти, расстроят только мысли твои, направляемые к благому занятию, и вовлекут в бедственную жизнь» [ЧерМО, ф. 8, оп. 55, д. 2, л. 26об.]. Наивность этих опасений подтверждается, если сравнить с ними описание «вольнодумства», идущее из уст вольнодумцев: «В Семинарии всё, кажется, по-старому. Все полицейские власти Ц... и Ж... по-старому. Из наших товарищей на Святках *нарывалось* человек 5, именно: Георгиевс[кий] П., Гижев, Никольс[кий] В., Голинс[кий] Ал. и Сперанский. Что будет с ними, неизвестно» [ЧерМО, ф. 8, оп. 55, д. 2, л. 176об.] (курсив мой. — А.В.). Конфликт с «властями» здесь — обыденность, полуигра на грани nepозволительного.

Отцовский взгляд ценен, поскольку исходит одновременно изнутри (от того, кто сам был когда-то «бурсаком») и извне (от того, кто сейчас лишь наблюдает за сыном, контролирует его). Его фокус — практическая этика. Дополняя лучше известные и лучше освоенные оптики ученика и учителя, ученика и «начальства», он через умолчание подразумевает обе (условно: позитивную и негативную) версии семинарского воображаемого. Он не одобряет «бурсу», какой описал ее Помяловский, но и не формулирует по отношению к ней отчетливого контр-идеала. Принимает ее, а не возвышает или отрицает. Намечающийся здесь своего рода третий путь изучения «бурсы», по крайней мере, создает потенциал для новых вопросов. В этом, полагаю, главное его преимущество.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Антонов В.С. К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов // *Общественное движение в пореформенной России. Сб. ст. к 80-летию со дня рождения Б.П. Козьмина*. Отв. ред. Л.М. Иванов. М.: Наука, 1965. С. 336–343.
- Аристов Н.Я. Жизнь А.П. Щапова // *Исторический вестник*. 1882. Т. 10. С. 5–44.
- Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М.: Индрик, 2021. 1048 с.
- [Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // *Русский заграничный сборник*. № 4. Berlin — Paris — London: A. Asher et C° etc., 1858. 166 с.

Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 1008 с.

Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. Р-5250. Оп. 1. Д. 1.

ГАВО. Ф. 388. Оп. 3. Д. 77.

ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15741.

Глубоковский Н. Об основах духовно-учебной реформы и о желательных типах духовно-богословских школ // *Глубоковский Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде*. СПб.: Синодальная типография, 1907. 148 с.

Дашкевич Л.А. Бурса и бурсаки // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Выпуск 26. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 265–284.

Из школьных воспоминаний бывшего семинариста Вологодской семинарии Евгения Грязнова. Вологда: Типография Губернского правления, 1903. 254 с.

Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // *Вопросы истории*. 2001. № 1. С. 29–43.

Леонтьева Т.Г. Семинарский быт: свидетельства очевидцев (вторая половина XIX–начало XX века) // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А.Есенина*. 2018. № 4(61). С. 21–31.

Лучинский Г.А. Афанасий Прокофьевич Щапов. Биографический очерк // *Сочинения А. П. Щапова в 3-х тт.* СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. Т. 3. С. I–СІХ.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Из далекого прошлого. Воспоминания // *Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 8 тт.* М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8. С. 435–601.

Мангилева А.В. Екатеринбургское духовное училище в эпоху Великих реформ: два свидетельства // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2015. Вып. 1(9). С. 21–37.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 194. Оп. 2. Д. 10.

Павленко Т.А. Забастовки семинаристов в конце XIX–начале XX в.: движение за реформирование духовной школы // *Православие: конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.): сб. научных работ*. Под ред. М. Долбилова, П. Rogozного. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 176–197.

Покровский А.И. Гиляров-Платонов, Никита Петрович // *Русский биографический словарь: в 25 т.* Т. 5: Гербенский – Гогенлоэ. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. С. 208–216.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 44. Отделение первое. № 47138. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1873. С. 521–522.

Попова О.Д. Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов // *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2018. № 1(58). С. 7–17.

Рейсер С.А. Революционные демократы в Петербурге. По памятным местам жизни и деятельности В.Г. Белинского, Н.А. Некрасова, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Л.: Лениздат, 1957. 166 с.

Сажин В.Н. Книги горькой правды. М.: Книга, 1989. 224 с.

Соловьев Н.И. Как нас учили (рассказ из духовно-семинарской жизни) // *Русская старина*. 1899. Т. С. С. 375–398.

Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). СПб.: СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. 256 с.

Тихомиров Л. Воспоминания. М.: ГПИБ, 2003. 617 с.

Череповецкое музейное объединение (ЧерМО). Ф. 8. Оп. 55. Д. 2.

Чуковский К.И. Жизнь и творчество Николая Успенского // *Чуковский К.И. Люди и книги*. М.: ГИХЛ, 1960. С. 107–159.

Ямпольский И. Н.Г. Помяловский. Личность и творчество. Л.: Советский писатель, 1968. 267 с.

Bakhmetyeva T. *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*. By Laurie Manchester // *The Catholic Historical Review*. Vol. 95, No. 4 (Oct., 2009). Pp. 865–867.

Freeze G.L. *The Parish clergy in the Nineteenth Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.

REFERENCES

Antonov V.S. K voprosu o sotsial'nom sostave i chislennosti revolyutsionerov 70-kh godov [On the question of the social composition and number of revolutionaries of the 70s], in *Obshchestvennoe dvizhenie v poreformennoi Rossii. Sb. st. k 80-letiyu so dnya rozhdeniya V.P. Koz'mina*. Ed. by L.M. Ivanov. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 336–343 (in Russian).

Aristov N.Ya. Zhizn' A.P. Shchapova [The life of A.P. Shchapov], in *Istoricheskii vestnik*. 1882. Vol. 10. Pp. 5–44 (in Russian).

Beglov A.L. *Pravoslavnyi prikhod na zakate Rossiiskoi imperii: sostoyanie, diskussii, reformy* [Orthodox parish at the decline of the Russian Empire: state, discussions, reforms]. Moscow: Indrik, 2021. 1048 p. (in Russian).

[Belyustin I.S.] *Opisanie sel'skogo dukhovenstva* [Description of rural clergy], in *Russkii zagranichnyi sbornik*. No. 4. Berlin – Paris – London: A. Asher et Co etc., 1858. 166 p. (in Russian).

Bogdanova T.A. *N.N. Glubokovskii. Sud'ba khristianskogo uchenogo* [N.N. Glubokovsky. The fate of a Christian scientist]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2010. 1008 p. (in Russian).

State Archive of the Vologda region (GAVO). F. R-5250. Inv. 1. D. 1.

GAVO. F. 388. Inv. 3. D. 77.

GAVO. F. 496. Inv. 1. D. 15741.

Glubokovskii N. Ob osnovakh dukhovno-uchebnoi reformy i o zhelatel'nykh tipakh dukhovno-bogoslovskikh shkol [On the basics of the spiritual and educational reform and on the desirable types of spiritual and theological schools], in Glubokovsky N. *Po voprosam dukhovnoi shkoly (srednei i vysshei) i ob Uchebnom komitete pri Svyateishem Sinode*. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1907. 148 p. (in Russian).

Dashkevich L.A. Bursa i bursaki [Bursa and bursaks], in *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. Issue 26. Moscow: IRI RAN, 2009. Pp. 265–284 (in Russian).

Iz shkol'nykh vospominanii byvshego seminarista Vologodskoi seminarii Evgeniya Gryaznova [From the school memoirs of the former seminarian of the Vologda Seminary Evgeny Gryaznov]. Vologda: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1903. 254 p. (in Russian).

Leont'eva T.G. Vera i bunt: dukhovenstvo v revolyutsionnom obshchestve Rossii nachala XX veka [Faith and rebellion: Clergy in the Revolutionary society of Russia at the beginning of the 20th century], in *Voprosy istorii*. 2001. No. 1. Pp. 29–43 (in Russian).

Leont'eva T.G. Seminariskii byt: svidetel'stva ochevidtsev (vtoraya polovina XIX–nachalo XX veka) [Seminary life: eyewitness accounts (the second half of the 19th–the beginning of the 20th century)], in *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2018. No. 4(61). Pp. 21–31 (in Russian).

Luchinskii G.A. Afanasii Prokof'evich Shchapov. Biograficheskiy ocherk [Afanasy Prokofievich Shchapov. Biographical essay], in *Sochineniya A.P. Shchapova v 3-kh tt*. St. Petersburg: Izd. M.V. Pirozhkova, 1908. Vol. 3. Pp. I–CIX (in Russian).

Mamin-Sibiryak D.N. Iz dalekogo proshlogo. Vospominaniya [From the distant past. Memoirs], in Mamin-Sibiryak D.N. *Sobranie sochinenii v 8 tt*. [Collected works in 8 vol.]. Moscow: GIHL, 1955. Vol. 8. Pp. 435–601 (in Russian).

Mangileva A.V. Ekaterinburgskoe dukhovnoe uchilishche v epokhu Velikikh reform: dva svidetel'stva [Yekaterinburg Theological College in the era of Great Reforms: two testimonies], in *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. Issue 1(9). 2015. Pp. 21–37 (in Russian).

Manchester L. *Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia]. Translated from English by A.Y. Polunov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015. 448 p. (in Russian).

Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of Russia during the Empire period (18th–early 20th century): the genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. In 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000. 548 p. (in Russian).

Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNB). F. 194. Inv. 2. D. 10.

Pavlenko T.A. Zabastovki seminaristov v kontse XIX–nachale XX v.: dvizhenie za reformirovanie dukhovnoi shkoly [Strikes of seminarians at the end of the 19th–beginning of the 20th century: the movement for the reformation of the theological school], in

Pravoslavie: konfessiya, instituty, religioznost' (XVII–XX vv.). Ed. by M. Dolbilov, P. Rogozny. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009. Pp. 176–197 (in Russian).

Pokrovskii A.I. Gilyarov-Platonov, Nikita Petrovich, in *Russkii biograficheskii slovar' v 25 tt.* [Russian biographical dictionary: in 25 vol.]. Vol. 5: Gerbensky – Hohenlohe. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1916. Pp. 208–216 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection]. *Sobranie vtoroe*. Vol. 44. Otdelenie pervoe. No. 47138. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii, 1873. Pp. 521–522 (in Russian).

Popova O.D. Materialy revizii dukhovno-uchebnykh zavedenii kak istoricheskii istochnik i ikh rol' v prochtenii memuarov seminaristov [Materials of revision of spiritual educational institutions as a historical source and their role in reading the memoirs of seminarians], in *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2018. No. 1(58). Pp. 7–17 (in Russian).

Reiser S.A. *Revolutsionnye demokraty v Peterburge. Po pamyatnym mestam zhizni i deyatel'nosti V.G. Belinskogo, N.A. Nekrasova, N.G. Chernyshevskogo i N.A. Dobrolyubova* [Revolutionary Democrats in St. Petersburg. On the memorable places of the life and work of V.G. Belinsky, N.A. Nekrasov, N.G. Chernyshevsky and N. A. Dobrolyubov]. Leningrad: Lenizdat, 1957. 166 p. (in Russian).

Sazhin V.N. *Knigi gor'koi pravdy* [Books of bitter truth]. Moscow: Kniga, 1989. 224 p. (in Russian).

Solov'ev N.I. Kak nas uchili (rasskaz iz dukhovno-seminarskoi zhizni) [How we were taught (a story from the spiritual and seminary life)], in *Russkaya starina*. 1899. Vol. C. Pp. 375–398 (in Russian).

Sushko A.V. *Dukhovnye seminarii v poreformennoi Rossii (1861–1884 gg.)* [Theological seminaries in post-reform Russia (1861–1884)]. St. Petersburg: SPbGMA im. I.I. Mechnikova, 2010. 256 p. (in Russian).

Tikhomirov L. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: GPIB, 2003. 617 p. (in Russian). Cherepovets Museum Association (CherMO). F. 8. Inv. 55. D. 2.

Chukovskii K.I. Zhizn' i tvorchestvo Nikolaya Uspenskogo [The life and work of Nikolai Uspensky], in Chukovsky K.I. *Lyudi i knigi* [People and books]. 2nd ed. Moscow: GIHL, 1960. Pp. 107–159 (in Russian).

Yampol'skii I. N.G. *Pomyalovskii. Lichnost' i tvorchestvo* [N.G. Pomyalovskii. Personality and creativity]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1967. 267 p. (in Russian).

Bakhmetyeva T. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. By Laurie Manchester, in *The Catholic Historical Review*. Vol. 95. No. 4 (Oct., 2009). Pp. 865–867.

Freeze G.L. *The Parish clergy in the Nineteenth Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.

Статья принята к публикации 21.01.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-207-216

УДК 821.161.1

ПОВЕСТЬ И СВИДЕТЕЛЬСТВО: НАРРАТИВНЫЕ ТЕКСТЫ О СЕМИНАРИСТАХ 1850–1860-х гг.

Зубков Кирилл Юрьевич

Независимый исследователь,

Москва, Россия

polemyst@gmail.com

Аннотация. В заметке рассматриваются нарративные тексты о семинаристах, опубликованные в российских журналах середины XIX в. Ключевой проблемой становится исключительное место «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского, которые немедленно после появления затмили все остальные произведения его современников и до сих пор переиздаются. Материалом для исследования стали тексты о семинаристах, опубликованные в указанный период. Автор ставит целью продемонстрировать, какие представления об обществе и о месте в нем семинаристов транслируют очерки Помяловского на уровне литературной формы. Хотя о прозе Помяловского и его современников написано немало, большинство исследователей подходит к ней с сугубо литературоведческим категориальным аппаратом, не позволяющим описать общественное значение этих текстов. Актуальность предлагаемой заметки состоит в том, что произведение Помяловского описано в ней с помощью более современных понятий. В частности, произведения Помяловского рассмотрены с точки зрения представлений о социальном воображаемом, характерных для Российской империи. Согласно предложенной в статье гипотезе, Помяловский предложил читателю не столько повесть о вызывающих сочувствие героях, сколько свидетельство о собственном травматическом опыте, которое способствовало созданию коллективной идентичности разночинцев.

Ключевые слова: Помяловский, семинария, «Очерки бурсы», социальное воображаемое, свидетельство, очерк, повесть.

Цитирование: Зубков К.Ю. Повесть и свидетельство: нарративные тексты о семинаристах 1850–1860-х гг. // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 207–216. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-207-216 / Zubkov K.Yu. Story and Testimony: Narrative Texts about Seminarists of the 1850s–1860s, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 1. Pp. 207–216. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-207-216.

© Зубков К.Ю., 2024

STORY AND TESTIMONY: NARRATIVE TEXTS ABOUT SEMINARISTS OF THE 1850s–1860s

Zubkov Kirill Yu.

Independent researcher,
Moscow, Russia
polemyst@gmail.com

Abstract. The article examines narrative texts about seminarians, published in Russian magazines of the mid-19th century. The key problem is the exceptional place of N.G. Pomyalovsky's *Seminary Sketches*, which immediately after their appearance eclipsed all other works of his contemporaries and are still being republished. The sources for the study were the texts about seminarians published during this period. The author aims to demonstrate what ideas about society and the place of seminarians in it are conveyed by Pomyalovsky's sketches at the level of literary form. Although a lot has been written about the prose of Pomyalovsky and his contemporaries, most researchers approach it with a purely literary categorical apparatus, which does not allow to describe the social meaning of these texts. The relevance of the proposed note lies in the fact that Pomyalovsky's work is described in it using a more modern categorical apparatus. In particular, Pomyalovsky's works are examined from the point of view of the concepts of the social imaginary characteristic of the Russian Empire. According to the hypothesis proposed in the article, Pomyalovsky offered the reader not so much a story about sympathetic heroes, but rather evidence of his own traumatic experience, which contributed to the creation of the collective identity of commoners.

Keywords: Pomyalovsky, seminary, "Essays on the Bursa", social imaginary, testimony, sketch, story.

Прежде всего я должен сказать, что я не историк духовного образования, а специалист по истории литературы. В следующем ниже тексте я попытаюсь реконструировать не социальные процессы, происходившие в среде реформаторов, семинаристов или их преподавателей, а то, каким образом эти процессы репрезентировались в нарративных текстах, публиковавшихся в литературных журналах. Оговорю, что я буду называть «семинаристами» также и учеников духовных училищ, поскольку интересующие меня авторы, включая выпускников этих учебных заведений, не разграничивали указанные понятия [Манчестер, 2015, с. 203]. С моей точки зрения, изучение этого вопроса может быть значимо в силу двух причин. Во-первых, эти публикации стали одним из основных источников сведений о семинариях для многих образованных обитателей Российской империи, которые не имели прямого доступа к семинариям и семинаристам, а потому могут пригодиться при изучении взглядов этих людей. Во-вторых, изучаемые мною тексты и реакция на них читателей тесно связаны с теми коллективными представлениями об обществе (если угодно, социальным воображаемым), которые бытовали в Российской империи. Эти представления не сводятся к политическим взглядам писателей и функционируют на менее явном уровне: например, видимо, придерживавшиеся близких взглядов Н.Г. Помяловский и Н.А. Благовещенский (Благовещенскому посвящены «Очерки бурсы»; он же станет первым биографом Помяловского) изображали семинаристов совершенно по-разному. Такие представления об обществе, выражающиеся не в политических декларациях, а в практиках письма и чтения и в соответствующей этим практикам литературной форме, имеют, как кажется, значение для понимания той культурной ситуации, в которой происходили реформы. Как я постараюсь продемонстрировать ниже, публика конца 1850-х–начала 1860-х гг. фактически должна была сделать выбор не только между разными жанрами или эстетическими моделями, но и между разными образами общества, которые предлагали ей литераторы.

Первые годы правления Александра II отмечены как количественным ростом, так и качественной трансформацией произведений, посвященных семинаристам. Как показал А.Ф. Белоусов, вообще традиция описывать семинаристов восходит к комическим украинским интермедиям, популярным на рубеже XVII–XVIII вв. [Белоусов, 2000]. В более поздних произведениях образ «бурсака» или семинариста также долгое время оставался скорее комическим – можно вспомнить, например, начало гоголевского «Вия». Хотя речь в этой повести идет о вещах отнюдь не веселых, например о жестоких физических наказаниях или о терзающем бурсаков голоде, подается это как нечто забавное. По мнению Белоусова, скептическое отношение к семинаристам – и «малороссийским», и «великорусским» – во многом связано с культурной гегемонией дворянства, задававшего тон в литературе и скептически относившегося к претензиям «поповичей» на образованность и культурность. Перемены в изображении «поповичей» исследователь связывает с восхождением на престол Александра II и с попытками мыслить выходцев из семинарии как полноправных членов общества. Именно такие перемены, по мнению исследователя, готовили путь и к «Очеркам бурсы» Помяловского.

Как представляется, большинство повестей и романов о семинаристах, вышедших между 1855 и 1865 гг., построено вокруг очень схожих представлений о том, как должно быть устроено общество Российской империи. Эти представления проявляются, если обратиться к работе Марты Лукашевич, где многие из произведений указанного периода подробнейшим образом излагаются и анализируются [Лукашевич, 2009, с. 52–118]. Речь о таких текстах, как «Ставленник» (1864) Ф.М. Решетникова, «Озерской приход» (1864) Н.Ф. Бунакова, «Баритон» (1857) Н.Д. Хвощинской, «Ливанов» (1864) М.И. Осокина и «На рассвете» (1865) Н.А. Благовещенского. Исследовательница предлагает разделить эти произведения на две группы: в первой из них по преимуществу изображается неспешное течение бытовых событий и семейная жизнь, а во второй – конфликт между семинаристом или выходцем из семинарии и его средой. Между тем во всех перечисленных произведениях (к ним можно добавить также роман А.А. Потехина «Крушинский», 1856, разбираемый Белоусовым) во многом выражаются одни и те же представления о духовном сословии и его проблемах.

Авторы романов и повестей из жизни семинаристов считали их главной проблемой изолированность и предполагали, что для разрешения этой проблемы необходимо преодолеть своеобразную кастовость, сделав вчерашних семинаристов такими же представителями образованного общества, как и дворян. В указанных произведениях семинарист обычно изображался с сочувствием, авторы обращали внимание на его внутренний мир, способность к эмоциональным переживаниям и к рефлексии. Напротив, источником проблем и несчастий для героев становятся барьеры, ограничивающие духовное сословие, – предрассудки дворян, не желающих отдать дочь за «поповича», предрассудки собственных родителей, запрещающих выйти из духовного сословия, законные ограничения, не позволяющие, например, овдовевшему священнику жениться повторно, и проч.

Авторы произведений о разночинцах, конечно, едва ли ставили себе целью, скажем, полностью изменить отношение православной церкви к бракам церковнослужителей – скорее, они стремились показать своим читателям, как можно относиться к семинаристу с уважением и вниманием. Наверное, наиболее прямая формулировка этого принципа содержится в знаменитом эпитафье к повести Хвощинской: «Ничего в мире не может быть ограниченнее и бесчеловечнее, как оптовые осуждения целых сословий по надписи, по нравственной отметке, по главному характеру. Названия – странная вещь...» [Хвощинская, 1857, с. 347]. Эпитафья, как неоднократно отмечали исследователи, заимствован из «Былого и дум» А.И. Герцена, которого, строго говоря, было строжайше запрещено упоминать или тем более цитировать в печати. Впрочем, нас здесь интересует не странный недосмотр или удивительный либерализм цензора, а представления об обществе, которые выражает Герцен. С его точки зрения, необходимо решительно отказаться от «бесчеловечного» отношения к сословию во имя гуманизма, признания за всеми людьми прав на одинаковое отношение.

Совершенно очевидна связь такого рода произведений с контекстом реформ. Современники обычно считали одной из главных целей готовившихся преобразований именно устранение несправедливостей в положении различных социальных групп, обитавших в империи. От представителей этих групп ожидалось, что они будут соотносить себя с единым имперским обществом и даже отвечать перед ним за такое равноправие. Подобные цели по отношению к крестьянству, например, прямо декларировались в манифесте 19 февраля 1861 г.: «...получая для себя более твердое основание собственности и *большую свободу* располагать своим хозяйством, они становятся *обязанными пред обществом* и пред самими собою благотворность нового закона дополнить верным, благонамеренным и прилежным употреблением в дело дарованных им *прав*» [Российское законодательство, 1889, с. 31; курсив наш. – К.З.].

Такие представления о справедливом общественном устройстве, судя по перечисленным выше произведениям, могли разделять самые разные авторы. Скажем, Осокин и Благовещенский и сами были выходцами из духовного сословия, тогда как Потехин и Хвощинская, напротив, были людьми благородного происхождения. Политические взгляды и литературные вкусы достаточно радикального сотрудника некрасовского «Современника» Решетникова, конечно, не совпадали с позицией близкого к «молодой редакции» «Москвитянина» Потехина. Тем не менее произведения всех этих авторов транслировали схожее видение будущего семинаристов, которым надлежало в качестве составной части влиться в единое общество.

Однако многочисленные повести и романы из жизни разночинцев не пользовались, судя по всему, особым успехом у публики. Невзирая на известность в литературе имени Потехина и псевдонима Хвощинской, несмотря на то, что эти произведения выходили в «толстых» литературных журналах, критика писала о них мало и редко, да и свидетельств читательского внимания сохранилось немного. На этом фоне, конечно, выделяются «Очерки бursы» Помяловского, которые бурно обсуждались в литературной критике, сочувственно цитировались самыми разными авторами и продолжают переиздаваться и входить в вузовские программы.

Как представляется, «Очерки бursы» отличаются от повестей и романов от разночинцев прежде всего тем, что в них транслируется совершенно другое представление о социальной жизни, – путь к преодолению общественной несправедливости лежит не в растворении идентичности семинаристов в гомогенном и едином обществе, а, напротив, в ее максимально полном развитии. Трудно сказать, насколько осознанно Помяловский предлагал такое решение социальных проблем эпохи реформ, однако хорошо известно, что его очерки действительно вызывали у читателей сильнейшую эмоциональную реакцию: к Помяловскому обращались с письмами бывшие семинаристы, отождествившие себя с его героями и благодарившие автора за «правдивость», его постоянно упоминали позднейшие авторы произведений о духовном сословии [Сажин, 1989; Мельникова, 2013]. Это связано с вполне определенными особенностями, отличавшими «Очерки бursы» от повестей и рассказов о семинаристах.

Во-первых, очерки Помяловского благодаря своей специфической жанровой природе могли восприниматься и воспринимались как невымышленное повествование о совершенно конкретных людях. Это отчасти связано со спецификой очеркового жанра, который в интересующий нас период представлял собою произведение с «установкой на достоверность» (Л.Я. Гинзбург). Насколько соответствуют действительности описанные Помяловским события, судить едва ли возможно, однако несомненно, что они воспринимались как точные. Если, например, в 1840-е гг. очерки, наподобие вошедших в «Физиологию Петербурга» под редакцией Н.А. Некрасова, посвящались «типичным», обобщенным героям, то во времена Помяловского относящиеся к этому жанру произведения часто прочитывались как описание реально существующих, конкретных людей. Из известных примеров можно вспомнить, скажем, «Губернские очерки» Щедрина, которые поначалу воспринимались как портретное изображение реальных жителей провинциального городка [Зубков, 2020], или травелог Гончарова «Фрегат “Паллада”» (с подзаголовком «Очерки путешествия»), художественная условность которого стала привлекать внимание лишь современных исследователей [Balakin, 2021]. «Очерки бursы» включались в обширную область невымышленной русскоязычной прозы того времени, не менее значительную для литературы и общества, чем вошедшие в школьную программу романы Тургенева и Гончарова. На такое восприятие настраивало уже слово «очерк» в заглавии. Однако некоторые вполне типичные повести о семинаристах также стремились выдать себя за невымышленные — таков, скажем, «Дневник семинариста» И.С. Никитина, действительно написанный в форме дневника и передающий вполне характерную историю о неудачной попытке семинаристов выйти из духовного сословия и поступить в университет [см.: Flath, 1990]. Помимо жанрового обозначения, произведения Помяловского отличались и своей проблематикой.

Во-вторых, фундаментальной особенностью «Очерков бursы» стала сосредоточенность на передаче общего травматического опыта, негативно влияющего на психику семинаристов. В этом смысле можно провести параллель между Помяловским и Достоевским — автором «Записок из мертвого дома» (неслучайно часть очерков Помяловского впервые вышла в журнале братьев Достоевских «Время»). Если выписывать из «Очерков бursы» все высказывания нарратора о нравственной и интеллектуальной деградации учеников семинарии, придется скопировать едва ли не половину этого произведения. Ограничимся несколькими примерами с первых страниц очерков. О попытках начальства разделить бурсацкое «товарищество» нарратор замечает: «...ничто так не оподляет дух учебного заведения, как власть товарища над товарищем...» [Помяловский, 1965, с. 14]. Эти меры способствуют, по его мнению, развитию наиболее негативных нравственных качеств: «Пошлая, гнилая и развратная натура Тавли проявилась вся при деспотизме второкурсия» [Помяловский, 1965, с. 15]. Впрочем, протесты против начальства также не очень полезны для нравственности: «Гороблагодатский поддерживает самое неприличное дело, если оно относится ко вреду высших властей, *отмачивает* дикие штуки» [Помяловский, 1965, с. 16; курсив Н.Г. Помяловского]. Даже доноски оказываются жертвами этой системы: «...начальство все-таки напрасно развратило навеки

несколько десятков человек, сделав из них наушников...» [Помяловский, 1965, с. 20]. Как и многие авторы повестей о семинаристах, Помяловский прибегает к интроспекции – описанию мыслей и чувств персонажей со стороны. Однако и в этом случае он прежде всего прослеживает, каким образом опыт семинарского обучения наносит психологический вред ученикам. Необычным образом погружение во внутренний мир персонажа вовсе не означает сочувствия к нему – читатель узнаёт, например, мысли доносчика Семенова, однако мысли эти по преимуществу сводятся к злорадству по поводу мучений других семинаристов и к бесконечной жалости к себе. Вероятно, автопсихологический персонаж Карась наделен такими чувствами, как «ложный бурсацкий стыд» (Помяловский, 1965, с. 124), и в этом смысле не выделяется на общем фоне.

Сочетание этих двух элементов подталкивало читателей к тому, чтобы видеть в «Очерках бурсы» не выражение определенной политической позиции, а свидетельство о собственном травматическом опыте автора. Современные исследователи обращают внимание на специфику свидетельства, которое, в отличие от других утверждений, предполагает доверие не столько к сказанному, сколько к сказавшему, к субъекту высказывания [см., напр.: Moran, 2006]. Как кажется, в случае «Очерков бурсы» работала именно эта логика – даже авторы, которые не соглашались с Помяловским и ставили под сомнение конкретные факты, соотносили собственные впечатления с тем, что ему довелось пережить: «...все поповичи использовали “Очерки” в качестве отправной точки, сравнивая с ними свой собственный опыт» [Манчестер, 2015, с. 203].

Публичное появление свидетельства Помяловского было особенно важно в силу того, что оно давало возможность для идентификации «поповичей», которые воспринимали себя как объекты угнетения со стороны более привилегированного и культурно доминировавшего дворянства. В этом смысле «Очерки бурсы» были, конечно, вполне удобным образцом для разночинцев: «...авторитет отстраненного, но прекрасно осведомленного рассказчика очерков, который приобрел Помяловский, мог присвоить и разделить всякий, узнавший в них себя» [Стур-Роммерэйм, 2023, с. 144]. В «Очерках бурсы» речи об отношениях с дворянами не идет; тем не менее эти отношения сыграли решающую роль в самоосмыслении и множества «поповичей», и самого писателя (о них идет речь, например, в его повести «Мещанское счастье»). О значении свидетельств для построения коллективной идентичности и для памяти о жертвах преследований пишут обычно в связи с геноцидом или колониализмом [напр.: Ассман, 2014, с. 76–84]. В случае произведений Помяловского, однако, действовали, как кажется, в некотором отношении схожие механизмы. Читая истории о болезненном, деформирующем психику опыте, пережитом в духовных училищах, бывшие семинаристы могли осознать определенную ценность своего опыта. Более того, популярность книги способствовала тому, что значение этого опыта начали признавать и люди, не имевшие отношения к духовному образованию. В частности, влиятельный критик Д.И. Писарев (несмотря на свои нигилистические воззрения, происходивший из дворянской среды) в своей знаменитой

статье «Погибшие и погибающие» сопоставлял семинарию с каторгой, описанной побывавшим на ней Достоевским, причем в пользу каторги.

Восприятие «Очерков бурсы» как свидетельства о травматическом опыте способствовало формированию, как кажется, совершенно иных представлений об обществе. Дело здесь было не в большей или меньшей «правдивости» (как известно, Чернышевский призывал русских писателей высказывать «правду без всяких прикрас» о крестьянстве), а в способности говорить о пережитом опыте своими словами, а не словами более привилегированной группы. Помяловский предлагал выпускникам духовных училищ воспринимать себя не как членов в принципе гомогенного общества, наконец-то удостоившихся внимания и сочувствия, а как представителей определенной группы, объединенной общим опытом, в том числе опытом неравенства. Такой подход меньше укладывается в классические либеральные теории общественной жизни, наподобие хабермасовской, и больше соответствует концепциям агональной публичности. Успех, выпавший на долю Помяловского, свидетельствует о том, что эти концепции были релевантны по крайней мере для некоторой части российской читающей публики, но прежде всего для «поповичей», обладавших менее привилегированным статусом. Разумеется, Помяловский не был одинок – например, повесть Н.В. Успенского «Декалов» представляет семинаристов в схожем духе. Однако исключительное место очерков Помяловского на фоне повестей и романов современников объясняется, как кажется, тем, что он первым в русской прозе превратил рассказ о страданиях семинариста в свидетельство о травматическом опыте, которое могло послужить основой для группового самосознания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Белоусов А.Ф. Образ семинариста в русской культуре и его литературная история (от комических интермедий XVII века – до романа Надежды Хвощинской «Баритон») // *Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета*. СПб.: Б.и., 2000. С. 159–176.

Зубков К. «Случайная действительность» в эпоху реформ: «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина и проблема литературной репутации // *Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование*. Отв. ред.: М. Вайсман, А.В. Вдовин, И. Клигер, К.А. Осповат. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 181–209.

Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60–70-х гг. XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Варшава, 2009.

- Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
- Мельникова С.В. Жизнеописание приходского священника в русской беллетристике второй половины XIX века // *Сюжетология и сюжетография*. 2013. № 2. С. 106–114.
- Помяловский Н.Г. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1965. 332 с.
- Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. Отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989. 431 с.
- Сажин В.Н. Книги горькой правды. М.: Книга, 1989. 223 с.
- Стур-Роммерэйм Х. Конструирование и деконструкция нового взгляда на массы: псевдоавтобиографические нарративы разночинцев-реалистов // *Новое литературное обозрение*. 2023. № 4(182). С. 138–155.
- Хвоцинская Н.Д. <подп. Крестовский В.В.> Баритон // *Отечественные записки*. 1857. № 10. С. 347–420.
- Balakin A. "I Avoided the Factual Side . . .": Fiction and Document in *Frigate Pallada* // *Goncharov in the Twenty-First Century*. Ed. by Ingrid Kleespies, Lyudmila Parts. Boston: Academic Studies Press, 2021. P. 155–166.
- Flath C.A. Seminary heroes in mid-nineteenth-century Russian fiction // *Canadian American Slavic studies*. 1990. Vol. 24. No. 3. Pp. 279–294.
- Moran R. Getting Told and Being Believed // *The Epistemology of Testimony*. Ed. by Jennifer Lackey, Ernest Sosa. Oxford and New York: Clarendon Press, 2006. Pp. 272–306.

REFERENCES

- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Transl. by B. Khlebnikov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 328 p. (in Russian).
- Belousov A.F. *Obraz seminarista v russskoy kul'ture i yego literaturnaya istoriya (ot komicheskikh intermediy XVII veka – do romana Nadezhdy Khvoshchinskoy "Bariton")* [The image of a seminarian in Russian culture and his literary history (from comic interludes of the 17th century to Nadezhda Khvoshchinskaya's novel "Baritone")], in *Traditsiya v fol'klore i literature: stat'i, publikatsii, metodicheskiye razrabotki prepodavateley i uchenikov Akademicheskoy gimnazii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. St. Petersburg: b.i., 2000. Pp. 159–176 (in Russian).
- Zubkov K. "Sluchaynaya deystvitel'nost'" v epokhu reform: "Gubernskiy ocherki" M.Ye. Saltykova-Shchedrina i problema literaturnoy reputatsii ["Accidental reality" in the era of reforms: "Provincial Sketches" by M.E. Saltykov-Shchedrin and the problem of literary reputation], in *Russkiy realizm XIX veka: obshchestvo, znaniye, povestvovaniye*. Ed. by M. Vaysman, A.V. Vdovin, I. Kliger, K.A. Ospovat. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2020. Pp. 181–209 (in Russian).

- Lukashevich M. *Obraz prikhodskogo svyashchennika v russkoy belletristike 60–70-kh gg. XIX veka* [The image of a parish priest in Russian fiction of the 60–70s 19th century]: dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Warsaw, 2009 (in Russian).
- Manchester L. *Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia]. Translated from English by A.Y. Polunov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015. 448 p. (in Russian).
- Mel'nikova S.V. Zhizneopisaniye prikhodskogo svyashchennika v russkoy belletristike vtoroy poloviny XIX veka [Biography of a parish priest in Russian fiction of the second half of the 19th century], in *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2013. No. 2. Pp. 106–114 (in Russian).
- Pomyalovskiy N.G. *Sochineniya: V 2 t. T. 2.* [Works: Vols. 1–2. Vol. 2]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1965. 332 p. (in Russian).
- Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 7. Dokumenty krest'yanskoy reform.* Otv. red. O.I. Chistyakov [Russian legislation of the 10th–20th centuries: 9 vols. Vol. 7. Documents of peasant reform. Ed. by O.I. Chistyakov]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1989. 431 p. (in Russian).
- Sazhin V.N. *Knigi gor'koy pravdy* [The books of bitter truth]. Moscow: Kniga, 1989. 223 p. (in Russian).
- Stuhr-Rommereim H. Konstruirovaniye i dekonstruktsiya novogo vzglyada na massy: psevdavtobiograficheskiye narrativy raznochintsev-realistov [Construction and deconstruction of a new view of the masses: pseudo-autobiographical narratives of common realists], in *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2023. No. 4(182). Pp. 138–155 (in Russian).
- Khvoshchinskaya N.D. <podp. Krestovskiy V.V.> Bariton (Baritone), in *Otechestvennyye zapiski*. 1857. No. 10. Pp. 347–420 (in Russian).
- Balakin A. "I Avoided the Factual Side...": Fiction and Document in Frigate Pallada, in *Goncharov in the Twenty-First Century*. Ed. by Ingrid Kleespies, Lyudmila Parts. Boston: Academic Studies Press, 2021. Pp. 155–166.
- Flath C.A. Seminary heroes in mid-nineteenth-century Russian fiction, in *Canadian American Slavic studies*. 1990. Vol. 24, No. 3. Pp. 279–294.
- Moran R. Getting Told and Being Believed, in *The Epistemology of Testimony*. Ed. by Jennifer Lackey, Ernest Sosa. Oxford and New York: Clarendon Press, 2006. Pp. 272–306.

Статья принята к публикации 21.01.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-217-224

УДК 93(470)

«СЕМИНАРСКИЕ НЕСТРОЕНИЯ»: О ТРАГИЧЕСКИХ СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Хохлов Александр Анатольевич

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Россия

kazan_molodezh@mail.ru

Аннотация. Бунты, протесты, волнения в стенах духовных учебных заведений и участие их воспитанников в революционной деятельности во второй половине XIX–начале XX вв. навсегда отпечатались на страницах российской истории. Феноменальный характер данного явления обуславливается тем разительным диссонансом между эталонным образом христианского благочестия и реальным состоянием церковного юношества, который демонстрировала действительность. Обращение к этой теме, вероятно, никогда не потеряет своей актуальности, учитывая неизменность принципа исторического познания: знать, чтобы предвидеть. Источниковая база по данной проблеме сегодня достаточно обширна. Однако наша задача видится не в вводе в оборот новых, доселе неизвестных науке документов, а скорее в переосмыслении уже имеющейся информации на основе свободного критического анализа доступных сведений. Данная попытка отвечает запросам времени, интенсивно стимулирующим стремление разобраться в причинах и характере глубоких кризисов церкви, в которых она оказывается по мере своего исторического развития.

Ключевые слова: церковь, учащиеся, протест, кризис, реформы, семинария, революционная деятельность.

Цитирование: Хохлов А.А. «Семинарские нестроения»: о трагических страницах истории православного образования в России // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 217–224. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-217-224 / Khokhlov A.A. "Seminary Disorders": about the Tragic Pages of the History of Orthodox Spiritual Education in Russia, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 1. Pp. 217–224. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-217-224.

© Хохлов А.А., 2024

“SEMINARY DISORDERS”: ABOUT THE TRAGIC PAGES OF THE HISTORY OF ORTHODOX SPIRITUAL EDUCATION IN RUSSIA

Khokhlov Alexander A.

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia
kazan_molodezh@mail.ru

Abstract. Riots, protests, unrest within the walls of religious educational institutions and the participation of their students in revolutionary activities in the second half of the 19th–early 20th century forever imprinted on the pages of Russian history. The phenomenal nature of this phenomenon is due to the striking dissonance between the standard image of Christian piety and the real state of church youth, which was demonstrated by reality. Addressing this topic will probably never lose its relevance, given the immutability of the principle of historical knowledge: to know in order to anticipate. The source base on this issue is quite extensive today. However, our task is not to introduce new documents hitherto unknown to science, but rather to rethink existing information based on a free critical analysis of available information. This attempt is answered the demands of the time, which intensively stimulates attempts to understand the causes and nature of the deep crises of the church, in which it finds itself in the course of its historical development.

Keywords: church, students, protest, crisis, reforms, seminary, revolutionary activity.

Реформы в сфере духовного образования второй половины XIX–начала XX в. невозможно рассматривать в отрыве от общеисторического контекста. Они являлись неотъемлемой частью реформаторской политики имперского правительства, ставившего своей целью приведение государственно-общественного механизма в соответствие с запросами времени, повышение его эффективности и минимизирование имевших место противоречий.

Однако в вопросе реформ духовных учебных заведений просматривается примечательная особенность, на которую следовало бы обратить принципиальное внимание. Церковь шла в фарватере государственной образовательной политики, но значительно отставала в этом вопросе от светского образования как по скорости, так и по глубине преобразований. Наглядной иллюстрацией данного тезиса служит хронология принятия обновленных учебных уставов высших и средних учебных заведений: 1863 г. — принятие нового университетского устава, 1869 г. — новый устав духовных академий, 1864 г. — устав гимназий и прогимназий, 1867 г. — устав духовных семинарий и училищ.

Медлительность церковных властей обуславливалась имманентной консервативностью, на которую накладывалась идеологическая установка государства, видевшего в питомцах духовных учебных заведений будущих воспитателей народного благонравия и преданных престолу подданных. Исходя из этого преобразования здесь осуществлялись с особой осторожностью. Этим же объясняется и характер внутрицерковных дискуссий, делавших основной акцент не столько на учебных программах, сколько на воспитательной составляющей образовательного процесса — наиболее болезненном вопросе того времени.

Впрочем, концентрация внимания священноначалия именно на религиозно-нравственных сторонах проблемы была обусловлена не только заботой о далекой перспективе, но и диктовалась насущными и даже утилитарными потребностями. В обозначенный период духовные семинарии и училища столкнулись с колоссальной проблемой внутренней дисциплины и сохранения религиозного духа в своих стенах. Эту картину прекрасно обрисовали современники. Так, по замечанию Ф.Н. Белявского, члена-ревизора Учебного Комитета при Синоде, «наша духовная школа представляла конгломерат мертвых, но свято хранимых костей средневековой коллегии с разными случайными, не приведенными в систему, прирезками... Принудительное задержание в стенах школы элементов по своему настроению несродных пастырству и лишение права поступления в высшие светские учебные заведения даже по окончании семинарии, как несправедливое по существу насилие над личностью, было главною причиной озлобления против духовной школы ее питомцев, которое бессознательно переносилось и на ее принципы» [Белявский, 1907, с. 44–45]. Иными словами, проблемы духовного образования были частью системных проблем церкви, противоречивым образом вписанной в государственную и социальную структуру того времени, ее крайнего консерватизма и замкнутости.

В XIX–начале XX в. именно художественная литература наиболее смело и откровенно рисовала внутренний строй духовных школ, их быт, атмосферу, проблемы, им присущие. Достаточно вспомнить опыты Н.В. Гоголя, В.Т. Нарезного и других, относящиеся к первой половине XIX в. Вместе с тем заметная интенсификация этого процесса приходится уже на пореформенное время. Так, знаменитые «Очерки бирсы» Н.Г. Помяловского, ставшие выдающимся примером подобного жанра, и повествующие о перипетиях внутренней жизни одного из духовных училищ 1840–1850-х гг., были опубликованы уже после начала Великих реформ (1863) [Помяловский, 1958].

В целом в последующее время значение художественной литературы в освещении нестроений в духовной школе продолжало сохраняться, что обуславливалось ее доступностью и востребованностью в широких общественных кругах. Однако в связи с общей социальной либерализацией с начала 1860-х гг. к этому процессу активно подключилась церковная публицистика, внесшая решающий вклад в актуализацию и обсуждение образовательно-воспитательной проблематики.

Художественная литература и культивируемые ею образы играли ключевую роль в создании того фона, сквозь призму которого происходило восприятие реформаторами недостатков, а равно и достоинств системы отечественного духовного образования. Благодаря ей происходило не только препарирование проблемы во всей ее сложности, но и формирование новых социальных стереотипов – важных элементов общественного сознания и социальной коммуникации, непосредственно влиявших на содержание, направленность и ход учебных преобразований.

Вместе с тем, оказывая заметное воздействие на современников, характерный для литературы критический реализм с присущим ему пренебрежением к эмоциональным ограничителям и социально-политической корректности, вызывал настороженность в высоких властных кругах. Энергичные литературные эксперименты молодых литераторов не только пробуждали интерес в массах к застарелым и болезненным проблемам их бытия, но и зачастую приобретали революционные призывы, вступая в острое противоречие с «фанатизмом казенной веры» [Дунаев, 2002, с. 201]. В достижении общественно-властного консенсуса церковная публицистика оказалась успешней, сумев не просто очертить проблемное поле, но и наметить конструктивные пути выхода из сложившейся ситуации.

Не стоит упускать из виду, что в XIX в. Духовный регламент не потерял своего идеологического значения. И хотя его непосредственная актуальность уже не имела той значимости, которая была характерна для этого документа в XVIII в., образовательно-воспитательные принципы духовных школ, обозначенные Петром I и воплощенные в жизнь епископом Феофаном Прокоповичем, в сущности оставались неизменными: воспитание в церковном юношестве благочестия, почитания властей «паче же самой высочайшей власти Царской» и страха Божия [Духовный регламент...]. В этом духе формировались все последующие уставы духовных учебных заведений (как высших, так и низших): «Нравственное воспитание в семинарии имеет целью

правильное образование характера учащихся, соответственно будущему их назначению. Осуществлению сей цели должны содействовать как воспитывающие в семинарии, так и обучающие», – читаем в уставе духовных семинарий 1867 г. [Уставы и штаты]. Иными словами, даже преподаватели – те же воспитатели, только со знанием предмета. Дополнительным обоснованием тезиса об идеологическом значении Духовного регламента являлось наличие во всех учебных заведениях должностей инспектора и его помощников. В уставах им посвящены отдельные главы. «Инспектор есть помощник ректора по всем частям семинарского управления; существенную же его обязанность составляет наблюдение за нравственным и физическим воспитанием обучающихся в семинарии» [Уставы и штаты...]. Помощники в свою очередь разделяли с инспекторами все труды по этой части [Уставы и штаты...].

Духовно-нравственный кризис, поразивший семинарии и училища во второй половине XIX–начале XX в.¹, был явлением сложным и многоаспектным. Не имея возможности раскрытия всей полноты его содержания, отметим, что ключевой негативной тенденцией следует считать сословный характер духовного образования в обозначенный период. Говоря иными словами, в училища и семинарии поступали отпрыски приходского духовенства, разнообразные по своему личностному складу, интеллектуальным и духовным дарованиям. Многие из них, по замечаниям современников, не просто были лишены религиозного чувства и желания пастырского служения, но и отличались природной склонностью к различным девиациям и ненормативному поведению. Все это создавало специфическую среду, весьма далекую от идеалов христианского общежития. Кроме того, по мере распространения в России революционных идей, последние интенсивно проникали в семинарии, внося в их жизнь бунтарский дух и стимулируя тягу воспитанников к революционному протесту. Очевидно, что молодые люди, менее прочих укорененные в идеалах церковного служения, но заряженные естественной юношеской энергетикой, с легкостью поддавались сторонней пропаганде, начинали принимать участие в нелегальной деятельности и политической агитации в собственных учебных заведениях. Успешности этого процесса в немалой степени способствовало, по выражению Н.А. Бердяева, безобразию духовного быта и обскурантская атмосфера духовной школы, «безжизненный» образовательный процесс, базировавшийся на получении аксиоматических знаний, казенный дух и радикальные воспитательные подходы семинарских администраций [Бердяев, 1990, с. 40]. Все это закономерно поляризовало учебные заведения на «верхи» и «низы», предопределяя их жесткий антагонизм.

Сознавая порочность имевшейся практики, церковные власти, тем не менее, пытались выправить существующий курс духовных школ: вносилось разнообразие

---

¹ В данном случае духовные академии как высшие, элитарные учебные заведения стояли в некотором смысле особняком. Отбор кандидатов в академии осуществлялся через процедуру утверждения в Синоде, в связи с чем сюда попадали наиболее успешные в образовательном плане и благонамеренные идеологически выпускники семинарий. Впрочем, к концу XIX в. кризисные тенденции стали проявлять себя и в академиях.

в образовательный процесс, сухая классическая программа делалась более насыщенной благодаря естественным предметам, организовывались факультативы и внедрялись прочие новшества. Однако в воспитательном плане изменения оказались не столь заметными. Более того, в царствование Александра III власти вновь перешли к ужесточению воспитательных подходов в отношении воспитанников духовных учебных заведений, а данное некогда право поступления после окончания семинарий в светские высшие учебные заведения было категорически изъято. Это не просто значительно укрепило протестный потенциал и негодование церковного юношества, но и закупорило шлюзы оттока из семинарий не соответствующих по личностному складу элементов. Так что, несмотря на все дискуссии, благие намерения и конструктивные инициативы властей и реформаторов, выправить системные дисбалансы духовной школы принципиально не удалось.

Еще одна причина столь печального положения дел видится в острой нехватке кандидатов, желавших в будущем связать свою жизнь с пастырской карьерой, четко обозначившейся в пореформенное время. Доступ в духовные учебные заведения, иннословным кандидатам, со скрипом приоткрытый Синодом, оказался не способен восполнить отток поповичей. Дети духовенства продолжали считаться для духовных властей наиболее желанным контингентом для обучения в училищах и семинариях. На это интенсивно работала столетиями сложившаяся корпоративная культура церкви, отличавшаяся замкнутостью, наследственностью и четко идентифицировавшая «своих» и «чужих». Так неэффективная система получала импульс к самовоспроизводству и нивелировала конструктивные усилия реформаторов.

К концу XIX в. семинарские бунты, к слову, порой отличавшиеся крайней жесточенностью, становятся явлением вполне обычным, едва ли не повседневным. Бунтарская активность воспитанников духовных семинарий выходит на пик в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., что еще раз подтверждает тезис о влиянии общей социально-политической ситуации в империи на внутреннюю атмосферу духовных школ. Однако здесь необходимо понимать, что для протеста семинаристов были характерны свои особенности. Анализ документов показывает, что изначально ему были присущи сугубо академические черты. Претензии учеников не были ориентированы на достижение каких-либо политических целей. Часто это были «мальчишеские шалости», спонтанный протест против внутренних порядков, отдельных представителей семинарской администрации или преподавателей. Вспышки негодования отличались стихийностью и скоротечностью. Однако с течением времени они становятся все более осмысленными и целенаправленными. Этому в немалой степени способствовало два ключевых фактора: появление кружков самообразования в стенах духовных школ и влияние бывших воспитанников семинарий на действительных учащихся.

В первом случае речь идет о явлении, захватившем все российское студенчество. В условиях жесткой цензуры и ограниченности выбора познавательной литературы молодежь создавала тайные подвижные библиотеки, которые пополнялись запрещенными или неодобряемыми произведениями, как правило, поступавшими из

заграницы. Такое самообразование неизбежно меняло умонастроения и мировоззрение семинаристов, усложняло их понимание действительности. Эти изменения побуждали к постепенному преобразованию существующего порядка, направлению протестной энергии в более рациональное и конструктивное русло. Результатом этого стало создание в Казани в 1901–1902 гг. Временного центрального организационного совета семинаристов (ВЦОСС), объединившего на своей платформе несколько десятков семинарий и ставившего своей целью подачу единой петиции в Синод с требованием реформирования системы духовного образования [Хохлов, 2017, с. 127].

Влияние бывших семинарских воспитанников также следует рассматривать как весьма существенный фактор. Значительная часть этого контингента была представлена исключенными по тем или иным причинам учениками. Некоторые из них оказывались весьма способными и талантливыми. Получая аттестаты о среднем образовании путем самостоятельной подготовки и сдачи экзаменов в гимназиях, они поступали в светские высшие учебные заведения, где сближались с революционной молодежью, сохраняя при этом неприязнь к церковной системе, их отторгнувшей. Так формировались каналы проникновения в духовные учебные заведения революционных идей, что в ряде случаев кардинально меняло характер семинарского протеста, делая его составной частью общероссийского студенческого и революционного движения.

К сожалению, на фоне рассматриваемой проблемы педагогический состав духовных школ выглядит наиболее блекло. Преподавательские корпорации не обладали необходимой субъектностью, находились в полном подчинении семинарского правления, а их представители именно в силу конфигурации системы не могли ответить на растущие запросы церковного юношества. Кроме того, следует принимать во внимание систему отбора кандидатов в учителя, базировавшуюся на принципе политико-идеологической благонадежности. Это влияло на общий преподавательский состав часто не в сторону сближения педагогов и воспитанников, а их большего размежевания. Впрочем, в мемуарах бывших семинаристов встречаются упоминания о неординарных личностях среди преподавателей, которые пользовались уважением и авторитетом в ученической среде, отличались глубокими знаниями и научными интересами. Среди педагогов Казанской духовной семинарии в этом плане можно отметить К.В. Харламповича — видного историка и богослова, в будущем члена-корреспондента Петербургской и Украинской Академий наук. Однако, когда преподаватель в 1906 г. был назначен помощником семинарского инспектора, он, как и прочие члены администрации, стал объектом едких и неуважительных нападок семинаристов.

В целом, в условиях семинарского протеста, в особенности в период революционных событий 1905–1907 гг., педагоги в большинстве никак не проявили своего авторитета, исходя из чего не могут считаться заметным явлением на общем фоне трагических и судьбоносных событий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Белявский Ф.Н. О реформе духовной школы. Часть 1: Краткий очерк прошлого средней духовной школы. СПб.: Синодальная типография, 1907. 230 с.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. М.: Храм Святой мученицы Татианы при МГУ, 2002.

Духовный регламент 1721 года. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Prokopovich/duhovnyj-reglament-1721-goda/ (дата обращения – 05 февраля 2024 г.).

Помяловский Н.Г. Очерки бursы. М.: Государственное изд-во худ. лит-ры, 1958. 173 с.

Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/ustavy-i-shtaty-duhovnyh-seminarij-i-uchilishh-vysochajshe-utverzhdennye-14-maja-1867-goda/1 (дата обращения – 05 февраля 2024 г.).

REFERENCES

Belyavskij F.N. *O reforme duhovnoj shkoly. Chast' 1: Kratkij ocherk proshlogo srednej duhovnoj shkoly* [On the reform of the theological school. Part 1: A brief sketch of the past of the secondary theological school]. St. Petersburg: Synodal'naya typografija, 1907. 230 p. (in Russian).

Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (in Russian).

Dunaev M.M. *Pravoslavie i russkaya literatura. V 6-ti chastyah* [Orthodoxy and Russian literature. In 6 parts]. Moscow: The Church of the Holy Martyr Tatiana at Moscow State University, 2002 (in Russian).

Duhovnyj reglament 1721 goda [The Spiritual regulations of 1721]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Prokopovich/duhovnyj-reglament-1721-goda/ (accessed 05 February 2024).

Pomyalovskiy N.G. *Oчерки bursy* [Essays of Bursa]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo lit-ry, Lenizdat, 1958. 173 p. (in Russian).

Ustavy i shtaty duhovnyh seminarij i uchilishch, vysochajshe utverzhdennye 14 maja 1867 goda [Charters and staff of theological seminaries and colleges, most highly approved on May 14, 1867]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/ustavy-i-shtaty-duhovnyh-seminarij-i-uchilishh-vysochajshe-utverzhdennye-14-maja-1867-goda/1 (accessed 05 February 2024).

Статья принята к публикации 29.02.2024